

ОЛЕГ ФИЛИМОНОВ

УХОДЯ,
ГАСИТЕ ВСЕХ!

Олег Анатольевич Филимонов

Уходя, гасите всех!

Серия «Принцип талиона», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6027647

Аннотация

Обнаружив в охотничьем домике старинный сундук, спортсмен-пятиборец и бывший десантник Игорь Брасов становится обладателем странного артефакта – браслета, наделяющего своего владельца необычными способностями... С этого момента жизнь героя круто меняется. Игорю предстоит выжить на границе миров в заповеднике нечисти, сразиться с колдунами из сопредельного мира и частной армией высокопоставленной персоны. Чтобы отомстить и просто уцелеть, герою необходимо разгадать тайны артефакта. А для этого – найти проход в другой мир, где история разошлась с земной еще во времена Вещего Олега.

Содержание

Пролог	4
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	36
Глава 3	63
Глава 4	97
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Олег Филимонов

Уходя, гасите всех!

Пролог

Темная августовская ночь, четыре часа утра. Лязгнув сцепками, поезд остановился, и я стал поспешно скидывать на железнодорожную насыпь тюки и рюкзаки. Стоянка меньше минуты, а барахла у меня немеряно – весь тамбур забит, надо как-то успеть все выгрузить.

Полустанок называется «Большая дорога», хотя никаких дорог тут и в помине нет, ни больших, ни маленьких, как и платформы... И станции нет, и деревень на ближайшие километры пятнадцать... Вообще ни хрена нет – лес кругом. А остановку поезд делает, похоже, просто по привычке.

Может статься, громкое название – это намек на то, что когда-то здесь обитали людишки, промышлявшие на больших дорогах? Не знаю... В любом случае, сегодня такой человек здесь появился. Может и с кистеньком пошалить, было бы где. Мне терять нечего, а то, что бандитом и убийцей меня уже ославили – это однозначно! По ящику, наверняка, захлебываясь слюной вещали про очередные зверства Кровавого Маньяка. Про меня, то есть... Если не знать истинной подоплеки событий, с этим можно и согласиться. Как всегда

за кадром осталось то, что вершилось справедливое возмездие, как я его себе понимаю. А понимаю я его правильно – око за око!.. Без слюнявого подставления щек и задниц – «принцип талиона»¹ называется.

А вот в розыск меня, скорее всего, не объявили. Официальные власти просто не знают, кого искать – следов я не оставлял. Вернее, то, что осталось, конкретно на меня указать не могло. Есть только подозрения, а этого не достаточно... Ищут некоего монстра-убийцу, без лица и фамилии. А тем, кому что-то известно, озвучивать свое знание невыгодно – скорее, они попытаются действовать втихую и взять меня своими силами. Но не исключен и вариант, что силовые структуры будут использовать в темную. Ну и флаг им в руки...

Вот обустроюсь и начну помаленьку партизанить, эшелоны под откос пускать... или что там еще настоящему партизану делать положено? К селянкам буду наведываться: «Меня накормить и спрятать». Заживу! Ага, размечтался... Не успею я развернуться, скоро здесь от «полицаев» не продохнуть будет, а там и «ягдкоманда»² подтянется... Придется по самым медвежьим углам шхериться... и кусать больно!

Жалко, не известно, какие силы будут задействованы для

¹ Принцип талиона (лат. *lex talionis*) – Принцип наказания за преступление, согласно которому мера наказания соответствует причиненному вреду.

² Ягдкоманда – Охотничья команда. Немецкие егеря специализировавшиеся на борьбе с партизанами.

поимки опасного преступника. В моей ситуации хорошо только одно: скрываться и воевать надо не слишком долго – «Нам бы день продержаться, да ночь простоять!». И так пять дней подряд... Потом уйду туда, где никто никогда меня не найдет. И унесу с собой Главную Тайну, которую плохишам и буржуинам в любом раскладе знать не следует. Как бы им ни хотелось заграбастать ее своими жадными ручонками. А когда вернусь... кровью умоются!

Паршиво, что не известно, как далеко наверх ушла информация и сколько хвостов понадобится обрубить, чтобы она не просочилась дальше. В общем-то, поэтому и пришлось бежать. Так высоко мне уже не достать и даже не доплюнуть. Ну, да ничего, сейчас не сложилось – может, получится когда-нибудь потом. Главное, засветятся заинтересованные лица.

Состав дернулся и тронулся дальше. Выбросив из тамбура последний рюкзак, я выпрыгнул уже на ходу. Неловко приземлившись на больную ногу, выругался:

– Балять... мои раны!

Следом за мной на насыпь спрыгнул огромных размеров котище и тут же наострил когти в чашу – ничего, не потеряется, лес ему – дом родной!

Оттащив вещи от железнодорожного полотна, прежде всего я достал из чехла карабин и, откинув складной приклад, прислонил оружие к дереву – пусть находится поблизости. Постоянно таскать с собой будет, конечно, неудобно,

но теперь без него никуда. Потом навьючил на спину тук с байдаркой, повесил спереди рюкзак и, прихватив в одну руку карабин, а в другую сумку, тяжело двинулся по еле заметной тропинке в лес. До реки две версты, но за один раз весь груз не утащить, и придется сделать несколько ходок, так что в итоге километров я намотаю прилично. Поэтому лучше брать сразу много – хоть таскать и тяжелее, зато меньше ходить.

В поезде на меня смотрели с удивлением. Еще бы: один человек и такая прорва имущества. Хоть собирался я и в спешке, необходимых вещей получилось очень много – ТАМ все пригодится. Не желая привлекать излишнее внимание, я отбоярился тем, что собрались, мол, на охоту, но друзья не успели на поезд, вещи отправились со мной, а они будут добираться на перекладных. Хотя маскировался, наверное, зря – где меня искать, кому надо известно и так. Вернее, известно как раз тем, кому не надо, но с этим уже ничего не поделаешь. Правда, чтобы найти, придется сильно попотеть, прочесывая район лесов и болот почти в две с половиной тысячи квадратных километров – сюда, наверное, весь Люксембург влезет. Интересно, враги на вертолетах прилетят или поездом приедут? А иначе никак – дорог здесь нет.

Через несколько часов груз был перетащен к реке, и я наконец позволил себе немного отдохнуть, потому как умотался страшно – болячки до конца еще не зажили, а рюкзаки, почти сплошь набитые железом, что ни говори, были тяже-

ленные. Вот поваляюсь немного на травке и начну собирать байдарку. Рукав куртки задрался, и мой взгляд упал на плотно обхватывающий левое запястье массивный серебряный браслет. Привычный, как часть тела, он и стал основной причиной моих злоключений. Вернее, одной из них... Судьба, сделав хитрый зигзаг, вновь привела меня в места, где около года назад все и началось...

Часть 1

Робинзон

Глава 1

Наверное, стоит поведать, как я дошел до жизни такой: почему вынужден был скрываться в лесах, а если не пове-зет, то и принимать последний бой. Думаю, свою роль тут сыграло множество факторов. А в первую очередь, моя гене-тическая предрасположенность ко всякого рода авантюрам, плюс соответствующее воспитание, плюс характер. Да и слу-чай помог, куда уж без него – если бы не эта находка... А во-обще-то, если взглянуть глубже, виновата была общая ситу-ация, сложившаяся на сегодня в насквозь прогнившей стра-не. Если привести давно затасканное сравнение государства с рыбой, то в голове копошились опарыши, брюшко непри-лично раздуло газами, а хвостик, так считай, и вообще отва-лился.

Одним словом, причин было множество... Пожалуй, что-бы все стало понятно, начну издалека, то есть с самого нача-ла – родился, учился... Трудное детство, тяжелые деревян-ные игрушки... Да нет, не так все было.

Родился я в городе, названном... нет, переименованном

в честь вождя мировой революции с петушиным погонялом Ленин. В детстве кликуха вождя наводила на недетские размышления: почему, например, не Надькин или Инесскин? Определенно, взрослые что-то недоговаривали... Да и само определение «вождь» всегда вызывало во мне искреннее недоумение: я никак не мог увязать в голове образ гордого пернатого краснокожего, каким представлял себе настоящего вождя, с обличьем плюгавого, лысого и картавого человечка. Но не о том речь...

Детство мое было безоблачным и счастливым, жизнь портила только музыкальная школа, но со временем я ее благополучно похерил, через пень-колоду отдудев два года на трубе. На скрипку меня, к счастью, не взяли, потому как на прослушивании я догадался исполнить арию Винни-Пуха из одноименного мультфильма. Забегая вперед, скажу, что на гитаре, позже, будучи уже подростком, я выучился играть сам.

Интересно, почему родители частенько стремятся привить своим чадам совершенно ненужные в наше время навыки игры на скрипке или фортепьяно? При этом, не преследуя цели сделать из ребенка музыканта? Ответ один – дремучие инстинкты, доставшиеся нам от предков, когда противоположный пол завлекали игрой на этих замечательных инструментах. В наше время гитара или даже барабан в этом отношении куда полезнее! Но и это к делу не относится...

Попытки матери сделать из меня еще и фигуриста тоже не проканали – лыжи мне нравились гораздо больше. Научив-

шись держаться на коньках, я освоил только один элемент фигурного... возможно, катания – разбег и прыжок в сугроб. Зато его выполнял безупречно. С молодых ногтей я отдавал предпочтение с моей точки зрения куда более подходящим мужчине занятиям: охоте и контактным видам спорта, благо было с кого брать пример...

Вообще-то, посещал я неисчислимое множество кружков и секций – от рисования и авиамоделизма до шахмат и балльных танцев, но надо сказать, что ко всему этому моя душа совершенно не лежала, требуя чего-то этакого... Тогда же мне привили стойкое отвращение к театрам, картинным галереям и подобным мероприятиям, перекормив культпоходами до безобразия. Например, в театр меня можно было заманить только хорошим буфетом, да и то с трудом. Тяги к прекрасному в ребенке совершенно не наблюдалось.

В конце концов, общими усилиями мы с отцом настояли на необходимости занятий пятиборьем. Если кто не знает – это бег, плавание, стрельба, фехтование и конкур³. К увещеванию матери мы подошли основательно, железно аргументируя свои требования наставлениями по воспитанию дворянских отпрысков из тех времен, когда дворянство зарабатывало свои привилегии с шашкой наголо, а не как теперь – голой жопой... А добились впечатлительную мамочку примером античной Греции, где пентатлон⁴ пользовался огромной

³ Конкур – скачки с препятствиями.

⁴ Пентатлон (др. греч.) – Пять состязаний. В отличие от современного пятиборья

популярностью, способствуя гармоничному развитию тела. С нашей стороны уступкой была как раз музыкальная школа. Под той же эгидой был преподнесен и рукопашный бой как без сомнения прямой наследник панкратиона⁵. В детали мама не вникала и нашим доводам поверила. Привитием остальных, необходимых всесторонне развитой личности, навыков отец обещал заняться со мной сам, и надо сказать, свои обязательства выполнял исправно. Но об этом позже...

Рос я почти исключительно на натурпродуктах: медвежатине, кабанятине, котлетках из лосятины и прочих деликатесах. С удовольствием жевал рябчиков, тетеревов и прочую пернатую дичь. Ананасами, правда, не закусывал, и как выглядит этот зверь даже не подозревал – в наших широтах такого не водилось, ну разве что в консервных банках. Всем этим изобилием исправно снабжал семью работающий охотоведом отец. Придется, видимо, отвлечься и все же немного рассказать об нем, а заодно и о дяде, принявшем деятельное участие в моем воспитании.

Отца всегда прельщал бродячий образ жизни (что, впрочем, унаследовал и я). Отслужив свое в химвойсках – это те, которые первыми идут в очаги заражения под девизом «при-

включал в себя другие виды: бег, метание диска, метание копья, прыжок в длину и борьбу.

⁵ Панкратион – Боевое искусство в Древней Греции представляющее собой смесь из борьбы и кулачного боя. Аналог рукопашного боя и борьбы без правил (было запрещено только кусаться и наносить удары в глаза). В программу Олимпийских игр, панкратион включен в 648г. до н.э.

шел, увидел... помер!», – и удачно избежав подобной участи, он поступил в Горный институт на геологоразведочный, видимо, соблазнившись романтикой профессии и возможностью путешествовать по стране. Зато постранствовал он вволю, нанимаясь в экспедиции техником, а в силу неистребимой страсти к охоте обычно выполнял там функции Дзерсу Узала, то есть разведывал маршрут и снабжал отряд свежей дичью. В одной из таких экспедиций отец и повстречался с моим будущим дядей, наткнувшись где-то в горах Алтая на собственного двойника, да еще и тезку. Казалось бы, ситуация неправдоподобная – ан нет! Похожих людей тянет в схожие места, и в городе пройти мимо своего Альтер-эго гораздо проще, чем в малонаселенной местности.

В то время, как отец работал техником в геологической экспедиции, его новый друг исполнял схожие обязанности в биологической. Поддавшись на уговоры, отец решил, что геологии с него достаточно, и по возвращению из поля перевелся в Лесотехническую академию, где учился на охотоведа двойник.

Дядя Андрей тогда подрабатывал в зоопарке – не крокодиллом, естественно, а занимал должность повыше. Наводя ужас на все население зверинца оценивающим взглядом охотника и склонностью к нетривиальным дисциплинарным мерам. Его боялись даже слоны! Еще бы не бояться, если в хобот могут дунуть табачным дымом или вслух задуматься, как этот самый хобот пойдет с гречневой кашей. Остальное

зверье также относилось к дяде с большим почтением. Он мог запросто зарядить в пятак, допустим, разбушевавшемуся медведю, поскольку кроме внушительной комплекции обладал серьезным навыком рукопашного боя, помноженным на отличное знание зверских повадок.

Такие вот у меня были наставники... Надо ли говорить, что к охоте меня приучали чуть ли не с пеленок, а в зоопарке я общался с животными не через решетку. Возможно, именно поэтому какого-то пиетета перед крупными хищниками у меня и не выработалось. Ну откуда ему было взяться, если ребенок катался верхом на медведях и играл с леопардами?

Знакомством с ружьями воспитание, естественно, не ограничивалось – первые рогатки и луки я получил от отца. И эти изделия на несколько порядков превосходили то, что могли сварганить себе мои сверстники, и были, по сути, довольно серьезным оружием. А когда я немного подрос, отец вооружил меня поджигой⁶. Ну, это объяснялось просто: по себе зная тягу подрастающего поколения к опасным игрушкам, он здраво рассудил, что его изделие будет намного безопаснее всего того, что я могу сляпать на коленке. А заодно можно просветить сына по поводу правил обращения с самодельной пищалью. Но, если честно, то как оружие охоты самопал значительно уступал тому же луку, а вот как средство устрашения работал исправно. На приклатненную шпа-

⁶ Поджига – самопал, нечто вроде того, что смастерил себе герой в фильме «Брат-2».

ну доброе слово и самопал действовали гораздо лучше, чем просто доброе слово... кулак, свинчатка, «розочка» и даже нож – у них были не хуже, а вот подобного девайса не имелось ни у кого. Это вам не послевоенные времена, когда, если верить отцу, с таким пугачом разгуливал каждый уважающий себя подросток... не имеющий чего посерьезнее. Хотя, думаю, он несколько идеализировал свою молодость.

Метание ножей, топоров и вообще всего, что втыкается, было необходимым умением для подрастающего индейца. Этому занимательнейшему занятию я с воодушевлением отдавался летом на даче. Хотя и в городе изуродовал дверь в ванну, и не раз ставил под угрозу жизнь родителей. Однако только лук давал возможность почувствовать себя настоящим вождем краснокожих. С ним я охотился на чибисов, скрадывая пернатую дичь не хуже, чем подлинный индеец бизонов. «Летающая портянка» – так называл чибисов дядя, не отказывая, однако, им в прекрасных вкусовых качествах.

С рогаткой я и вовсе не расставался, научившись владеть ею поистине виртуозно. Поэтому вечерами весь дачный поселок погружался в непроглядный мрак – лампочек на фонарях не осталось, а если появлялись новые, то долго не жили. Кроме лампочек моей законной жертвой были дрозды, паразитирующие на садовых участках. Так что и некоторая польза от снайперской стрельбы имелаась. А бабушка, сетуя на бесчинствующих по окрестностям хулиганов, нахваливала любимого внука, вкусно готовя ему его добычу. Бабуш-

ка была из «бывших» и толк в кулинарии понимала не хуже Елены Молоховец⁷: «Если к вам пришли гости, а у вас ничего нет, пошлите человека в погреб...», – разве что, по нынешним временам, холодильник открывала сама. К слову, дрозд когда-то считался царской дичью, как вообще-то и лебеди с цаплями. Перед приготовлением дроздов даже не потрошили. А зачем? Сами себя ягодами нафаршируют. Но вот фаршированную лягушками цаплю есть все же не стоит...

Вообще-то многие виды дичи сейчас незаслуженно забыты и серьезной добычей не считаются. Хотя еще в недавнем прошлом шли на ура. Взять хоть журавля – по вкусу от гуся и не отличишь. Белка – тот же заяц... только маленький. Бобр тоже неплох. В постные дни его любили навернуть монахи, конечно, предварительно подведя базу и обозвав рыбой! Изобретательный у служителей культа умишко, ничего не скажешь. Ну да им положено. Но я отвлекся...

Приняв посильное участие в воспитании ребенка, дядя подсказал подходящего тренера по рукопашному бою, у которого занимался и сам, с неподдельным уважением отзываясь о нем, как о настоящем убийце. Дальний родственник дяди, отставной офицер каких-то хитрых войск, давал питомцам такие техники боя, которые нереально было получить в любых других спортивных школах и секциях. Не всем, конечно, давал – выборочно...

В секции занимались боксом, самбо и ушедшим в под-

⁷ Елена Молоховец – классик дореволюционной кулинарной литературы.

полье карате, удачно прикрывшимся псевдонимом – «рукопашный бой». А так же их помесью, известной как АРБ⁸. Кроме этого, со мной и еще несколькими «блатными» ребятами тренер, за отдельную, естественно, плату, занимался факультативно. Обучая нас боевому самбо. Для обычных людей это боевое искусство было совершенно недоступно, с самого момента своего появления оставаясь прерогативой исключительно советских спецслужб. Органично вобрав в себя все лучшее из различных боевых стилей и продолжая совершенствоваться. К обычному самбо и спорту вообще боевое самбо не имеет никакого отношения: оно создавалось на основе самых смертоубийственных и костоломных техник из дзю-дзюцу⁹, бокса, савата¹⁰, ушу¹¹ и прочих... Постоянно пополняясь и развиваясь. Соответственно, и арсенал приемов в нем далек от спортивного, а рассчитан на уничтожение противника или нанесение ему тяжких телесных...

К слову, о системе Кадочникова тренер отзывался довольно прохладно, не советуя относиться к ней всерьез. И я с ним, в принципе, согласен. Прежде всего бросается в глаза

⁸ АРБ – армейский рукопашный бой.

⁹ Дзю-дзюцу (яп.) – Джиу-джитсу – «искусство мягкости». Одно из древнейших японских боевых искусств (включающее техники работы с оружием). Большинство приемов это заломы, удушающие и броски, рассчитанные на работу против противника в доспехах.

¹⁰ Сават – французская борьба, преимущественно использующая технику ударов ногами.

¹¹ Ушу – название Кунг-фу появилось только в XX веке.

театральность и наигранность действия. Возможно, так кажется из-за медленного проведения приемов, что тоже вызывает недоумение – в настоящем бою перестроиться на нужную скорость будет сложно. Постулируемое отсутствие в системе Кадочникова приемов, может, и работает, если речь идет исключительно о самозащите, но, когда требуется напасть, такие установки неприемлемы. Тут нужны вполне конкретные шаги, хотя бы необходимый, отточенный до совершенства, минимум ударов или приемов. Что касается предложения осмысливать свои действия, то это вообще ни в какие ворота. Безусловно, думать в бою полезно... О тактике и стратегии, например – стоит ли продолжать баталию или уже пора спасаться бегством? Во всех остальных случаях это строго противопоказано! Пока будешь размышлять, прикидывая как половчее заломать супротивника, он уже вышибет тебе мозги. Конкретный, адекватный ситуации прием должен быть наработан, забит в подкорку и осуществляться на рефлексх практически без участия сознания. Иногда можно планировать связку приемов. Да и то... схватка редко развивается по заранее подготовленному сценарию. Если, конечно, дело не решилось одним ударом, что, вне всякого сомнения, предпочтительнее всего. А красивые слова о биомеханике... так любая борьба эту самую биомеханику и использует, а как иначе?! В таком вот ключе... Но меня опять унесло в сторону.

Шли годы... Отец всю воевал с браконьерами, нараба-

тывая бесценный партизанский и контрпартизанский опыт, вкупе с сопутствующими этому повреждениями... Да и я времени даром не терял, помимо спорта занимаясь самосовершенствованием: делал «солнышко» на качелях или прыгал с подходящих крыш с самодельным парашютом, готовя себя в космонавты или на худой конец в каскадеры. Тогда эти профессии еще считалась почетными, приоритеты в сторону бизнесменов, моделей и банкиров (читай – спекулянтов, блядей и ростовщиков) сместились несколько позже.

Сменив работу, отец завел себе новое хобби – реконструкцию луков. И не примитивных английских деревяшек, а сложных, азиатских... ну или русских, если угодно. Как выяснилось позже, чуя к чему идет дело в стране, он уже тогда замышлял недоброе...

Само собой разумеется, отцовское хобби подразумевало не только изготовление луков, но и стрельбу из них. Оттачивая мастерство лучника, мы с папой переломали десятки неудачных экземпляров, зато уцелевшие представляли собой действительно грозное оружие.

Наше, мягко говоря, убогое законодательство (и тогда и сейчас) запрещает охоту с луком. Да и вообще луки и арбалеты мощностью больше 20 кг считаются... даже не знаю чем – не огнестрельным же оружием? Наверное, ужасным хладнострельным¹²! Но запрещены однозначно. Видимо, богатенькие буратины по старой памяти Робин Гудов опасают-

¹² Хладнострельным – такое оружие называется метательным.

ся. Долгожители, мать их... Наверняка, кому-то из законодателей когда-то в зад стрелой угодило: «...Оля нагнулась – в жопе топор, метко кидает индеец Егор!» – что-то в этом роде. Иными обстоятельствами объяснить эдакий выкрутас сложно. Но не будем о грустном; в любом раскладе на вывихи раненных в попу законотворцев отец клал с прибором, из-готавливая луки подстать средних размеров богатырю. Хотя тут есть одна тонкость: в кустарных условиях сделать слабый композитный лук почти не реально – сломается. Так что уцелевшее после испытаний оружие требовало от стрелка значительной физической силы.

Вот с ножами нынче стало полегче – великое дело откат! Так как принадлежность к холодному оружию определяется по целой куче параметров, среди них: марка стали, длина и толщина клинка, наличие долов, упора и т. д., любой свинок-кол можно провести как нож «хозяйственно-бытового» назначения, надо только отбошлять кому следует – и торговать сколько влезет. Да зайдите в любой охотничий магазин и убедитесь сами.

Новая работа оставляла отцу мало времени для охоты – на выходные далеко не заберешься. Только во время отпусков он мог оторваться по полной программе, отправившись на промысел куда-нибудь подальше, в один из глухих уголков нашей необъятной родины, где еще окончательно не повывели дичь. Обычно компанию ему составлял дядя. Естественно, брали и меня. Мы добирались до места самолетом,

поездом и попутным транспортом, а потом сплавливались на байдарке по подходящей водной артерии, по пути давая волю звериным... в смысле, охотничьим, инстинктам.

Надо сказать, что взгляды отца на охрану угодий существенно изменились – треснули розовые очки. Теперь он считал, что природу надо охранять вовсе не от браконьеров, а от любой «хозяйственной» деятельности, а пуще того от направляющей эту деятельность руководящей верхушки. Такие идеи посещали его уже давно, еще в те времена, когда он устраивал царские охоты членам единственной и неповторимой вульгарной¹³ партии, следя, чтобы те по пьянке не отстрелили друг другу члены. Однако глаза окончательно открылись только теперь: вернувшись в места, которые кишмя кишели дичью еще год назад, запросто можно было обнаружить там безжизненную пустыню. Как, например, случилось на Кушумском канале, где, борясь с неведомой напастью, степь потравили с самолетов. Не известно, победили напасть или нет, но любую живность вывели под корень, а на неоглядных степных просторах зримым свидетельством беспредела догнивали сотни и тысячи туш сайгаков. И это только единичный пример...

С наступлением в стране демократических преобразований, то есть когда жрать стало вообще нечего, а «члены» поменяли окрас с красного на любой другой, напрочь избавив-

¹³ С латыни на русский язык слова коммунос и вульгарис переводятся одинаково – обыкновенный.

шийся от любых иллюзий папаша извлек из шкафов свой нехилый арсенал и теперь уже сам, матерым браконьером скрылся в лесных дебрях. Там он был в своей стихии. В городе ловить было нечего – на любую более-менее нормальную работу устроиться оказалось практически невозможно. Наглядным примером был дядя Андрей, тоже давно ушедший из охотоведов, и теперь мыкавшийся по нескольким работам в несбыточной надежде прокормить семью на получаемые там гроши. И от этого постепенно зверевший.

Вот тут-то в полной мере и пригодились любовно изготовленные луки – настоящему браконьеру сподручнее пользоваться бесшумным оружием, да и с дорогушим боеприпасом заморачиваться не надо. Теперь большую часть времени отец пропадал в лесах, лишь изредка наведываясь домой, заросший дикой бородой и перегруженный свежей дичиной, что в эпоху нарождавшихся рыночных отношений, местами выглядевших как возврат к натуральному хозяйству и меновой торговле, было весомым подспорьем. Когда выдавалась возможность, то есть в основном во время школьных каникул, к отцовскому промыслу присоединялся и я.

Наслаждавшийся свободой папа сожалел только об одном – ответственные за развал страны деятели в лесную глухомань забредают редко, и к его трофеям нельзя добавить их рога, головы и шкуры. Правда, вонючее мясо и гнилую требуху все равно пришлось бы выкинуть, ну или оставить приманкой для других...

Между тем, к окончанию средней школы я был уже мастером спорта по пятиборью. Несмотря на то, что несколько позабросил тренировки, появляясь там от случая к случаю – постоянно находились более интересные занятия. Если бы не это, мог бы добиться и большего – глазомер, реакция, выносливость и прочие данные у меня были очень неплохими, но вот техника, из-за раздолбайства, прихрамывала. К тому же меня подводил конкур. Не то, что я был плохим наездником, как раз напротив, просто всадник ростом 195 сантиметров и весом больше ста десяти килограмм для выбранной жеребьевкой лошадки чаще всего оказывался тяжеловат. Недаром в жокеи подбирают маленьких и легоньких, а я, как не раз подмечали окружающие, телосложением напоминал Дольфа Лундгрена, только в отличии от киноактера был другой масти. То есть не «белокурая бестия», а напротив, черноволосая и смугловатая. Порода такая – от отца и деда я ни внешне, ни статью почти не отличался, разве что был чуть тяжелее. А если смотреть старые фотографии, то и прадед мой был такой же крепкий и цыганистый на вид.

Мне не раз советовали выбрать что-нибудь одно: например, фехтование, стрельбу или плавание, – но к тому моменту спортивная карьера меня уже не интересовала, да и спортсмены оказались не нужны. А вот занятий рукопашным боем я не бросал, справедливо полагая, что в жизни оно пригодится. Находил время посещать тренировки или занимался самостоятельно.

Когда пришло время отдавать долг Родине, я на него просто нас... наплевал короче, следуя по проторенной родителем дорожке — свалив в экспедицию. Потому как в должниках себя не числил. За державу было обидно, но, по-моему, это как раз государство, возглавляемое прорвавшимися к рулю ворами и ублюдками, кинуло своих граждан, дочиста ограбив население и продолжая разбазаривать страну направо и налево. А высокопарный трындеж с трибун и экранов о неких демократических преобразованиях никого давно уже не обманывал.

Правда, позже сия чаша не миновала и меня. Я загремел в армию «пиджаком», и впечатления об этом моменте жизни остались самые отвратные.

Долго шлаться по просторам любимой страны не вышло, суровые девяностые оказались для науки фатальны, финансирование прекратилось, а экспедиция захирела и зачахла. Не удивительно — последнее время в поле приходилось полагаться только на полученные ранее навыки выживания, находясь полностью на подножном корму и самообеспечении. По примеру далеких предков занимаясь охотой и собирательством, да ходя в набеги... Так что я решил подвязывать с экспедициями и получать вышку.

Конечно, можно было продолжать партизанить вместе с отцом, но превращаться в совершенного маугли мне все же не хотелось, да и родители, по старой памяти, считали высшее образование чем-то абсолютно необходимым. К тому же

кочевая жизнь совсем не способствовала плодотворному общению с женским полом. Что для меня в то время, видимо, и явилось решающим фактором. В итоге я поступил на геофак университета, получать специальность гидрогеолога.

А чтобы не сдохнуть за время учебы от голода, подался в бизнес или, называя вещи своими именами, в бандиты. Благо для человека с моими данными вакансии имелись. Ну не совсем, конечно, в бандиты, но около того, к тому же в те времена отличить коммерсанта от бандита было достаточно сложно. В общем, я зарабатывал на хлеб, проводя через границы с сопредельными, всеми из себя независимыми, государствами конвои с контрабандой. И решая сопутствующие этому вопросы, иногда и с помощью оружия – уж больно много развелось на дорогах швали.

О самой учебе сказать почти что и нечего – ну, учился... уже прекрасно понимая, что по специальности работать не выйдет, не те времена. Стипендии не могло хватить даже на дорогу, но как я уже говорил, у меня были и другие заработки. Честно говоря, несмотря ни на что, годы обучения в университете я вспоминаю с удовольствием, возможно, благодаря окружению из множества только что вырвавшихся из-под родительской опеки студенток. Ну, это понятно...

Кроме того, именно в универе я всерьез увлекся скалолазанием и аквалангизмом (модное нынче слово «дайвинг» тогда было не в ходу), для студентов обучающихся на факультетах естественных наук подобные занятия только поощря-

лись. А плавание и альпинизм наряду со спортивным ориентированием и вовсе входили в обязательную программу. Разве что парашютного спорта не было...

По окончании уже не ЛГУ, а СПбГУ я оказался на распутье: приобретенная в процессе обучения профессия гидрогеолога, как и предполагалось, на хрен никому не сдалась, в бизнесе дела тоже не заладились – в стране малость подзакрутили гайки, а подельников и компаньонов кого постреляли, кого посадили. Да и над моей головой сгустились тучи. На счастье, долго раздумывать не пришлось: родное государство озаботилось проблемой занятости для выпускников ВУЗов. В чью-то светлую голову пришла идея отправлять их в армию, послужить годик-другой лейтенантами. Тем более, что в Чечне срочно требовалось свежее мясо. Там как раз наметился очередной виток войны, стыдливо называемой конфликтом или контртеррористической операцией... хорошо хоть не неувязочкой. Так я и оказался в рядах вооруженных сил, возможно, только поэтому избежав тюрьмы или уютной могилки. Но тогда это совершенно не радовало, проливать кровь в защиту демократических ценностей и олигархической собственности я был категорически не согласен. Растоптали, падлы, пионерское детство, а другой идеологии не привили, не считать же ею идеологию сытого брюха, откуда тут патриотизму взяться?! Остались от него жалкие огрызки. Правда, мое мнение никого не интересовало.

Одним словом, мне выпадало – служить. А тащить службу

предстояло на Северном Кавказе в составе доблестной 7-й Гвардейской Воздушно-Десантной дивизии. В десантуре то есть.

Военная кафедра университета готовит артиллеристов. Хотя мне сложно понять, как толковый артиллерист может получиться из гуманитария – например, философа? Технические факультеты другое дело. А вот для студентов геофака кафедра делает исключение – пестуя из них метеовзвод и артиллерийскую разведку. Ну, еще бы – факультет естественных наук, с геодезией, картографией, метеорологией и тому подобными прибабасами. Тут надо заметить: артиллерийская разведка – это вовсе не то, что разведка войсковая. Достаточно сказать, что за линию фронта она не ходит, а располагается на некотором отдалении от переднего края. Хотя какая может быть линия фронта на войне типа чеченской?

Артиллерист из меня был никакой – и то правда, ну чему можно научиться на военной кафедре? А метеовзвода в артполку и вовсе не оказалось, ну что тут поделаешь – обычный бардак. Да и с самой артразведкой в местных условиях дело обстояло несколько не так, как объясняли нам на занятиях по военной подготовке. Так куда прикажете девать столь ценного кадра – лейтенанта «пиджака», да с пользой для дела? Однако мне и тут свезло. Ознакомившись с личным делом – «Ага, спортсмен значит! Мастер спорта, пятиборец, альпинист и прочая-прочая...», – меня быстренько спланировали в отдельную разведроту.

В общем, за время службы я вдоволь напользился по горам в составе разведгрупп. Обычно выступая корректировщиком арт-огня, а под командованием у меня оказался аж цельный боец с рацией. Если же корректировщик не требовался, то воевал как все. Засады, налеты, рейды, просто разведка – обычная практика.

Уже под занавес, когда до конца «срока» оставалось всего пару недель, я очутился в госпитале, словив сразу минометный осколок и пулю. На этом война для меня закончилась, и не скажу, чтобы это сильно расстроило. Нет, «чехов» я бы с удовольствием давил и дальше, вот только делать этого в составе наших вооруженных сил категорически не хотелось. Причины, думаю, понятны...

Орден и медалей я не выслужил. Ну, да и не печалился – висюльки от такой власти и принимать-то зазорно. А их статус скатился ниже плинтуса. У нас ведь кому высокие награды и героические звезды принято вручать – политикам, генералам, чиновникам и бывшим бандитам. А вовсе не тем, кто этого действительно достоин. Исключения есть, но их немного – как водится, только в подтверждение обычной практики... Не знаю, заслужил ли я медаль или только прижизненный памятник... на коне и в полный рост, но нохчей изничтожил порядочно, и в этом отношении сам собой был вполне доволен. А на память о войне у меня остались пара мужественных шрамов да трофейная снайперка ВСС¹⁴,

¹⁴ ВСС – Винтовка Снайперская Специальная – «Винторез». Бесшумное ору-

которую я втихаря прихватил со службы домой, благо укладывалась она в небольшой чемоданчик. По моей просьбе сослуживцы притащили нигде не числившуюся винтовку прямо в госпиталь. Ну не дарить же ее было государству – моя добыча, взятая в бою. К тому же давно уже не рабоче-крестьянское государство посредством своих не чистых на руку функционеров запросто могло «передарить» ее боевикам обратно. А как иначе нулевой «Винторез» да еще с парой цинков дефицитных патронов мог у абреков оказаться? У нас ВСС были чрезвычайной редкостью, все больше обычные СВДС¹⁵, а вон у чеченских «братьев»... наших меньших, пожалуйста. Хотя, может, винтовки сначала пиндосам загнали, вроде покупали у нас штаты «Винторезы», а те уж для своих протеже расстарались – снабдили бесшумным оружием «борцов за независимость». С трупа собственноручно зарезанного в рейде «борца» я и снял винтовку, а вдобавок разжился двумя едва початыми цинками патронов – СП-5 и СП-6¹⁶. Не все же им людей резать, может и обратка случиться. Вот и случилась... А с винтовкой я потом почти и не расставался, заменив бесшумной снайперкой свой штатный АК-74М.

После войны жизнь моя выписывала удивительные зигза-

жие под дозвуковой патрон.

¹⁵ СВД-С – Снайперская Винтовка Драгунова Складная. Разработана для ВДВ.

¹⁶ СП-5, СП-6 – снайперские и бронебойные, дозвуковые патроны 9х39 для «Вала» и «Винтореза».

ги и кренделя. Люди с высшим образованием требовались в дворники, подсобные рабочие, грузчики. Или, если брать повыше, в учителя – куда стройными рядами ломанулись сокращенные со своих предприятий инженеры. Нужны были и менеджеры по продажам – это когда тебе в руки дают телефон и желтые страницы, и можешь продавать в свое удовольствие. Ни одна из этих замечательных специальностей меня не прельщала. В итоге я еще несколько раз скатался в экспедиции, но быстро разочаровался и в таком времяпрепровождении. Да и средств к существованию подобная работа не давала. Это вам не прежние времена, в красках расписанные мне отцом, когда, проведя полгода в поле, следующие полгода можно было спокойно жировать в городе, поживая на лаврах и занимаясь чем душеньке угодно, не испытывая при этом материальных затруднений. Теперь такая практика не работала. Да что там говорить – денег за экспедицию можно было вообще не получить, или получить, но с большой задержкой, в очередной раз обесценившимися фантиками.

Отец в это время сменил беспокойную профессию браконьера на размеренную жизнь пастуха. И теперь отстреливал медведей на скотомогильнике, а кабанов прямо на совхозных полях. С тех же полей ему на стол попадали и все остальные продукты. Впрочем, для пастухов это в порядке вещей – не мотаться же к черту на куличики в магазин, бросая на произвол судьбы выпасаемое далеко на отшибе стадо. «Все вокруг колхозное – все вокруг мое!» – бодро напевал папа-

ша, угощая меня очередными разносолами, когда я, наконец, выбирался за тридевять земель к нему в гости. Денег пастуху практически не полагалось, но отец не расстраивался, при-торговывая кабаньим мясом и медвежьими шкурами.

Дядя в свою очередь устроился на притравочную станцию натаскивать по зверю охотничьих собак. И там ощущал себя на своем месте.

Помыкавшись по нескольким работам от стеклодува в химлаборатории до геодезиста и кузнеца по художественной ковке и не найдя ничего себе по вкусу, вернее, по нормальному заработку, я на все плюнул и отправился заколачивать бабки шабашником. Рубить загородные терема и возводить хоромы успевшей поднакопить жирка публике.

Пробатрачив с годик на дядю и заработав немного денег, я решил, что со строительством пора завязывать, надо обзаводиться собственным делом. А потому открыл пару павильонов и занялся торговлей туристическим снаряжением. Лелея грандиозные замыслы и надеясь вскоре неприлично разбогатеть.

Однако с собственным бизнесом что-то не заладилось, и я довольно быстро прогорел. То ли сам оказался хреновым предпринимателем, то ли мелкий бизнес у нас не приживается, чему поборам и взятками с необычайным энтузиазмом способствуют чиновники и милиция. В общем, подарив шакалам из ОБЭПа¹⁷ товара на очень приличную сумму и

¹⁷ ОБЭП – Отдел по борьбе с экономической преступностью. По мелочи – лю-

заплатив штрафы, я опять оказался на бобах, да еще и по уши в долгах.

Загрустив, я уже подумывал лезть на антресоли за оружием, рассчитывая напоследок поквитаться хотя бы с непосредственными участниками кидалова, а потом хоть трава не расти... Видимо придется уходить в бега, для начала на «дальний кордон» к отцу, а дальше как выйдет... Других перспектив на тот момент у меня не имелось. Но тут изменчивая фортуна выкинула очередной фортель, на этот раз в виде исключения повернувшись ко мне лицом, а не как обычно – задом.

Как ни удивительно, работа подвернулась практически по специальности и непосредственно к гидрогеологии, как и к геологии в целом, имела самое прямое отношение, правда, с весьма неожиданной стороны... Я заделался лозоходцем!

Откуда во мне взялись подобные экстраординарные способности, я и понятия не имел. Ведьм и колдунов у нас в роду вроде бы не было. Но еще в детстве с подачи отца поэкспериментировав с лозой и рамкой на деле убедился, что они имеются. Вообще-то я полагал, что никакая это не мистика и парапсихология, а свойство человеческого мозга подсознательно подмечать некие, незаметные обычному взгляду признаки и посредством лозы выдавать свои рекомендации. Как-то так... Потом эти забавы несколько позабылись – не

бит промышлять на рынках, по крупному – куда дотянется... Делит охотничьи угоды с налоговой инспекцией.

было им тогда реального применения, но выветрились из памяти не до конца, а возможно и как-то сказались на последующем выборе профессии.

Предложение поработать лозоходцем на меня тоже не с неба свалилось. Подобным образом я частенько отыскивал места для колодцев в то время, когда вкалывал на строительстве загородной недвижимости. Оказалось, что один из моих тогдашних коллег об этом не забыл и в нужный момент сумел составить протекцию. За время, что мы не виделись, он сильно приподнялся и занимал теперь довольно высокую должность в фирме, специализирующейся на поиске грунтовых и артезианских вод. За хорошие деньги, естественно. На рытье колодцев на приусадебных участках эта контора не разменивалась. А конкретно сейчас собиралась прощупать на предмет водички какую-то из пустынных областей в центральной Монголии. Тут и всплыла моя кандидатура.

Существуют, конечно, современные методы разведки подземных вод и без таких кардинальных мер, как лозоходство, но они зачастую оказываются не слишком точны. Так что наличие специалиста моего профиля при условии, что он действительно владеет нужными навыками, посчитали оправданным. К тому же возможность бурить скважины в разведанных мной местах, а не по всей площади пустыни, обещало значительную экономию средств. Была, правда, одна тонкость – при бурении по моим данным процент ошибок не должен был составлять более тридцати процентов, ина-

че мне грозило остаться без гонорара. А уж каким образом я этого добьюсь, никого не волновало – хоть камлай, хоть с высшим разумом совещайся, главное, чтоб был результат! Но в своих силах я был уверен, и надо сказать, не оплошал, выдавая в своих прогнозах погрешность меньше десяти процентов, да и эти проценты можно было списать на раздолбайство бурильщиков. Неудивительно, что заказы пошли косяком, как у нас, так и за рубежом, в основном там, где сухо, жарко, а зачастую и опасно. С тех пор так и потянулось...

На постоянную работу в фирму я не пошел – если разобратся, невыгодно это было. Да и кабала, опять же... А так внушительные гонорары позволяли оставаться вольным стрелком, беря отдельные заказы и посвящая достаточно времени занятиям, которые до этого были мне просто не по карману – вояжам по всему белу свету, то есть любым видам экстремального туризма. Хотя, надо признаться, и сама работа лозоходца экстримом снабжала исправно – все же шастал я зачастую один, чаще всего пешком, вдобавок по малонаселенным и диким местам. Специфика профессии...

Приличные заработки наконец-то дали возможность привести в чувство догнивающий на даче девятиметровый морской катер, который мы с отцом за бесценок приобрели еще в начале девяностых. Да какое за бесценок – как дрова купили! Мы установили на него мачту и оборудовали швертом¹⁸, немного нарастили борт и, снеся все старые надстройки, за-

¹⁸ Шверт – выдвижной плавник, препятствующий сносу яхты.

ново возвели рубку и настелили палубу. Еще кое-чего добавили или переделали. Денег на ремонт, переделку и оснастку я грохнул немерено, зато в итоге стал владельцем вполне симпатичного, очень даже мореходного кораблика – вооруженной бермудским шлюпом¹⁹ яхты!

Теперь я мог отважно бороздить просторы Финского залива и Балтики. На большее, правда, не замахиваясь – лавры совершивших одиночную кругосветку яхтсменов мне пока были не по плечу. В общем, так и жил в свое удовольствие. Даже жениться успел, но брак оказался неудачным и меньше чем через год мы с супругой расстались, а детей, к счастью, завести не успели.

Вот, в общих чертах, и вся моя пятнисто-полосатая биография. Надеюсь, появилась и некоторая ясность – привычка к различным, жизненным неурядицам, у меня имелась, как и разносторонняя, довольно специфическая подготовка. Соответственно и шансы уцелеть в намечающейся заварухе присутствовали. А в общем-то, даже странно, что вся случившаяся позже чертовщина приключилась со мной считай в «родных пенатах», а не где-нибудь в экзотических краях, которых к тому моменту я посетил немало. Но не буду забегать вперед.

¹⁹ Бермудский шлюп – тип парусного вооружения. Одна мачта и два треугольных паруса.

Глава 2

Не ошибусь, если скажу, что вся эта история началась почти ровно год назад. Я как раз вернулся из очередной командировки в Среднюю Азию и теперь подумывал отдохнуть от чуждых моей натуре степей и полупустынь под сенью родных лесов – сменить обстановку. Семей к тридцати пяти годам я так и не обзавелся; была, конечно, подруга, но в силу жизненных обстоятельств она сейчас находилась довольно далеко, так что дома меня ничего не держало. Да и что дома делать, не в ящик же палиться?

Отреставрированный корабль я решил не трогать – для не слишком опытного яхтсмана осенняя Балтика не очень подходящий вариант. Поэтому местом для релаксации выбрал заброшенную деревеньку в дебрях Новгородской области. Заброшенной она стояла, как мне кажется, испокон веку. А сведения о ней передавались из поколения в поколение, чуть ли не от отца к сыну. Во всяком случае, я узнал о ней именно от отца, тот в свою очередь от дяди, а уж каким образом проведал о заброшенной деревеньке тот – тайна, покрытая мраком. Случайно отыскать ее в лесах мне представлялось делом крайне проблематичным, а на картах она не прослеживалась. Несмотря на это, народная память сохранила даже название деревни – Одрино. Большинство домов там давно развалились, но вот один находился в приличном со-

стоянии. Возможно, ему помогли уцелеть изредка забредавшие в деревню охотники, но во время своих редких визитов я так и не обнаружил никаких следов недавних посещений. Однако факт на лицо – дом стоял... свет хоть и не горел, зато исправно функционировала русская печь, а в окнах уцелели все стекла.

К числу неоспоримых достоинств деревни можно было отнести то, что там по утрам можно было стрелять тетеревов прямо с крыльца. А в сумерках заповевать прямо под домом кабанчика. Одним словом, райское местечко для охотника. Удивительно, что такие еще остались, и не слишком-то далеко от цивилизации.

Кстати, именно там я подстрелил своего первого лося. Помнится, в далекую детскую пору – мою, естественно, – мы завалились туда зимой, но отца скрутила язва желудка, а дядю поразил конъюнктивит. Так что дичь по лесам я гонял, считай, в одиночку, на пару только с отцовской лайкой.

Снега тут выпадает до двух метров. В лесу, естественно, снежный покров бывает чуть поменьше, а вот на открытых местах оно так и есть. Я хорошо запомнил, как сложно бывает встать на ноги, упав с лыж в снег. А если попробовать пройти без лыж, рискуешь оказаться в сугробе с головой.

Сейчас я планировал забазироваться в деревне и уже отсюда налегке совершать охотничьи набеги по окрестностям. Конечно, можно было обойтись обычным лагерем в лесу и без опаски оставлять вещи там – в этой глуши покуситься на

них было просто некому. А на тот маловероятный случай, что случатся похитители... «закон – тайга, прокурор – медведь» – такая у меня гражданская позиция. Но все же ночевать в теплом доме было существенно приятнее – на дворе стоял холодный и дождливый сентябрь.

Добраться в Одрино можно было только двумя способами, если, конечно, не ломиться напрямик через лес. Первый путь посуху – от железнодорожного полустанка пройти километров пятнадцать по заброшенной узкоколейке, а потом свернув в лес еще примерно столько же пробираться до места лесной тропой. Другой вариант – это спуститься по реке до нужной, основательно заросшей протоки, которая, в свою очередь, и выводила к маленькому озерцу возле деревеньки.

Я решил двинуться сухопутным маршрутом, рассчитывая подстрелить что-нибудь уже по дороге, к тому же лодки с собой не брал, а ройку,²⁰ которой можно было бы воспользоваться, еще в прошлый приезд перегнал на озеро. Так что, глянув в инете расписание, я наскоро собрался, прыгнул в поезд, и уже несколько часов спустя бодро шпарил по лесу в Новгородской области.

Ну, «бодро» это как сказать... Вы пробовали ходить по узкоколейке? Да к тому же заброшенной. Смею заверить, удовольствие ниже среднего. Прогнившие бревна, заменяющие шпалы, навалены как попало, и ритм движения поймать

²⁰ Ройка – лодка из двух сцепленных между собой выдолбленных и немного подтесанных бревен.

невозможно. А уж если они присыпаны снежком... это вообще песня! К счастью, до снега было еще далеко, а вот два года назад я здесь изрядно намучился, проваливаясь между шпалами через каждые два шага. Идти же вдоль полотна не всегда возможно – болотины, колдобины, заросли и буреломы.

По дороге несколько раз подымал глухарей, но мне было просто не до них – все внимание уходило на то, чтобы проследить, куда в следующий раз ставить ногу. Одним словом, я вздохнул с облегчением, когда наконец добрался до еле заметной тропинки, уводящей в сторону от железной... м-мм, дорожки.

Тропинка хитро виляла между деревьев, но я знал, что к деревне она выведет. Надо только не потерять ее на старых вырубках. Иначе придется ломиться через буреломы, которых здесь предостаточно.

Лес в этих местах самый обычный – смешанный, сосновых боров мало, а вот густые ельники встречаются часто. Для меня в них есть какое-то мрачное очарование. Оказываясь в таком, ощущаешь себя как в сказке, кажется, что вот-вот за поворотом покажется избушка Бабы-Яги. Ну да и домик в Одрино от той избушки недалеко ушел.

Однако ельники я люблю не только за это. А тот, что показался впереди, был особенно симпатичен, поскольку я давно знал, что его облюбовали для себя рябчики – вариант почти беспроегрышный. Скинув двустволку с плеча, я заменил па-

троны в обоих стволах на мелкую дробь – семерка будет самое то. На ходовой охоте, особенно когда хожу без собаки, я заряжаю бокфлинт²¹ двумя номерами дроби – средней и крупной. А иногда, если есть вероятность наткнуться на что-то серьезное, в один из стволов идет пуля или картечь. Вот когда охотишься с лайкой, почти всегда есть возможность сменить патроны, если есть опыт, по тону лая без проблем можно определить, на что она там гавкает – на белку, глухаря, кабана или медведя. К примеру, на белку лай тонкий с подвизгиванием, а на крупного зверя – глухой и злобный.

В этот раз собаки со мной не было, да и не могу я их держать по причине своей непоседливой профессии – все поголовье зверовых лаек, аж из трех штук – восточника и двух западников²², – воспитывает отец. Когда он выходит со своей сворой на прогулку, все живое старается попрятаться. А трупики не успевших убраться с дороги кошек отец потом собирает и аккуратно складывает по помойкам. Зато бродячих кошек рядом с его домом не встретишь. А вот сердобольные старушки стенают и ругаются – некому, понимаешь, объедки скормить.

На охоте эта страшная стая без проблем держит на месте лося, кабана или медведя – подходи да стреляй, а подраненного зверя может порвать и самостоятельно.

Мне без четвероногого помощника оставалось уповать на

²¹ Бокфлинт – двустволка с вертикально спаренными стволами.

²² Восточник, западник – Восточносибирские и Западносибирские лайки.

удачу и хорошее знание местности. И сменить дробь, а то палить семеркой по глухарю или нулевкой по рябчику – дело не слишком разумное.

В своих предположениях я не обманулся: рябчики порскнули в стороны, едва я углубился в ельник метров на сто. Ружье само собой взлетело к плечу, поочередно плюнули дробью оба ствола...

Подобрав тушки убитых птиц, я принялся ощипывать их прямо на ходу – это лучше делать, пока они не остыли. Ну вот, вкусный обед у меня уже есть, возможно, подстрелю еще чего-нибудь и на ужин. Припасов я брал с собой не слишком много, рассчитывая прокормиться охотой. А от того, насколько это получится, зависела и продолжительность самому себе устроенного отпуска.

Рябчиков я вспугивал еще несколько раз, но они настолько быстро исчезали в зарослях, что стрелять было бесполезно. А без толку жечь патроны я давно уже отучился. Вернее, к экономии боеприпасов был приучен с самого детства. Зато на вырубке подстрелил зазевавшегося тетерева. При моем появлении несколько штук снялись с берез, но улететь удалось не всем...

Я не считаю себя снайпером в современном смысле этого слова. И поражать цель за полтора километра не умею, мои достижения гораздо скромнее. Хотя в Чечне часто работал именно со снайперской винтовкой. Правда, СВДС и уж тем более ВСС, с которыми мне приходилось иметь дело, называть

настоящими снайперками довольно сложно. Они под другое заточены – одна, чтобы, быстро перемещая огонь по фронту, выбивать первоочередные цели, а другая вообще для работы по тихому, считай, накоротке – до 400 метров. Так что на дистанции прямого выстрела я вполне на уровне, а дальше начинаются разнообразные поправки или вообще сплошной Дзен, в силу недостаточной религиозности и склада характера мне недоступный.

Мой конек – стрельба навскидку, что из пистолета, что из винтовки, что из ружья. Да и из лука тоже. Ну, это еще можно обозвать интуитивной стрельбой. И вот здесь вполне уместно упомянуть звание снайпера в его первоначальном смысле – раньше так называли стрелков по бекасам. Птичка, размером чуть больше воробья, на большой скорости выписывающая в полете фигуры высшего пилотажа. Попробуй попади! Я обычно попадаю. Хотя именно бекасов стреляю очень редко, предпочитая дичь покрупнее. Зачастую я даже не понимаю, когда и как в руках оказывается до того висящее на плече ружье. А палю по наитию, совершенно не целясь. Да и улепетывающая дичь, обычно не дает возможности тщательно прицелиться, а, поднявшись с места, сразу норовит скрыться в зарослях. На все про все остаются доли секунды.

Надо заметить, что стендовая стрельба нужным для охоты навыком в полной мере не обеспечивает, и классные стрелки-спортсмены частенько мажут по живой мишени – это все

же не тарелочка. Хотя если сочетать спорт с охотой, результат может быть впечатляющим.

Еще часа через два лес расступился, и я вышел, наконец, к Одрино. Живописное все же местечко: сама деревня, вернее ее остатки, расположилась на холме, под холмом озеро и река, а вокруг глухой стеной встали дремучие леса.

С домом никаких неожиданностей не произошло – как стоял себе, так стоял. Ну, может, еще обветшал чуть-чуть, хотя точно и не скажешь. Отворив подпертую поленом дверь, я через сени прошел внутрь. Здесь с прошлого приезда тоже ничего не изменилось. Запылившиеся стекла, облупившаяся с окон краска, заросшие паутиной углы. На пол откуда-то нанесло мусор. А вот обстановка небогата – крепкий стол, пара лавок, нары... и занимающая половину дома русская печь с полатями. На печи несколько горшков и чугунков, еще какая-то посуда... В углу у дверей рукомойник и раковина. На стенах несколько полок, а вот шкафов и в помине нет. Считай и все, никаких излишеств. Повесив на вбитый в стену гвоздь ружье и скинув с плеч рюкзак, я уселся на лавку и блаженно закурил – курю я редко, но с удовольствием. Вот сейчас немного отдохну, и надо будет браться за уборку...

Отыскав старый веник, тряпки и черпанув воды из заросшего пруда, я быстро привел жилище в порядок, а потом, распаковав рюкзак и разложив вещи по местам, взялся за готовку. Раскочегаривать русскую печь не стал, ее топить замаяшься. Для того, чтобы прогреть дом и сготовить еду, вполне

сгодится обычная печка с плитой, тут и такая есть, сложенная с русской одним целым. С дровами же здесь проблем вообще нет – что-то осталось с прошлого раза в покосившейся сараюшке, или можно пустить на топливо остатки соседних домов, а если захочется, и в лесу сушину завалить, но это потом...

Малость подымив, печка разгорелась, а я, взяв в сенях ведра, сходил на родник за водой. Он тут недалеко под горкой. Серьезно заморачиваться с едой не стал – очень уж проголодался – какие-то изыски, если будет желание, сготовлю себе потом. Поэтому порубленного на куски косача слегка обжарив на сале, я без затей потушил в чугушке, и за милую душу навернул с черным хлебом. А без гарнира вполне обошелся – крупы надо экономить, да и тетерев птица немаленькая, почти килограмма мяса мне хватило за глаза.

На охоту я сегодня решил не ходить: прошуршу немного по хозяйству и буду отдыхать. Все же около тридцати верст по буеракам да под рюкзаком – это очень прилично. К тому же, первый почин уже есть, так что совесть моя спокойна. Ну, может, в сумерках пройду с ружьишком около деревни...

До вечера я протопил печку еще несколько раз, и сырость в доме почти исчезла, стало гораздо уютнее. Особенно при свете керосиновой лампы. Керосинка здесь родная, вся из себя раритетная, а вот канистру с горючим когда-то доставил сюда на лодке я. Свечи тоже водились, но при наличии лампы были не нужны.

Вечером, прогулявшись вдоль леса, я шлепнул еще одного рябчика и, раз такие дела, собрал пару горстей брусники и немного ягод можжевельника – будет чем приправить мясо.

Ужинал опять дичиной, на этот раз пожарив всех трех рябчиков в печи – мясная диета меня вполне устаивает, я могу вести хищный образ жизни неопределенно долгое время, разве что иногда разнообразя его чем-нибудь еще. Потом были чай и сигарета...

Следующие несколько дней я провел, как и собирался. Вставал, завтракал и отправлялся в лес. Неторопливо бродил с ружьем на плече и изредка постреливал. А вернувшись домой, изощрялся в кулинарных изысках. Добычей обычно становились тетерева, глухари и рябчики, а как-то сходяв на вечерку к озеру, я набил и пяток уток. Один раз наткнулся на лося, но стрелять не стал, выстрел получался неудачный – в угон, а добирать подранка удовольствие ниже среднего. Да и куда такую прорву мяса девать? Я здесь не на промысле, а на отдыхе. И попусту изводить зверье не собираюсь. Вот кабанчика взять можно... А что не съем, подсолю, подкопчу и увезу в город – будет чего друзьям презентовать. Дичина она по любому вкуснее домашней живности. А чтобы не перенапрягаться перетаскивая добычу, загружу мясом ройку и на шесте поднимусь почти до станции по реке. Там и лодку спрячу – пригодится в следующий раз.

Кабаны, как и ожидалось, выходили прямо к деревне, но уже в полной темноте, так что тут я пока пролетал, посколь-

ку ночной прицел с собой не брал. Ну да ничего, ими можно будет заняться несколько позже, как раз полнолуние намечается, надеюсь, и облачность разгонит. А пока присмотреть место для засидки. А может, и с подхода попробую...

Однако человек предполагает, а... поросям повезло, и сбыться моим кровожадным замыслам было не суждено.

В этот день я как обычно вернулся из леса к вечеру. Достал из печки приготовленного еще вчера глухаря с гречневой кашей и отдал должное изысканному блюду. Мясо глухаря несколько суховато, но если запекать его обвязав полосками сала, вкус получается выше всяких похвал. Не вредно бывает добавить в стряпню растертые можжевеловые ягоды, бруснику или клюкву. А вот забивать вкус любыми другими специями, кроме соли, не рекомендуется. Томленая в чугушке греча с луком и шкварками тоже выходит пальчики оближешь. Кстати, в поездки я беру только крупы, а из овощей – лук, с ним любое блюдо идет на ура. А набивать рюкзак, например, картошкой, мне кажется излишним. Единственное, в чем я иду на компромисс между требованиями желудка и тяжестью ноши – это хлеб. И всякий раз тащу с собой как минимум пару буханок ржаного круглого – он долго не сохнет и не плесневевает, да и просто вкусный. А к сухарям и галетам я себя так, до конца, и не приучил, хотя частенько приходится их вместо хлеба брать...

С охотой в этот раз не заладилось – всего-то один тетерев, к остальным так и не удалось подойти на выстрел – снима-

лись и улетали. Да и вообще складывалось ощущение, что зверье забилося куда-то по норам и углам, и носа не кажет. Может это к перемене погоды? Неплохо бы – постоянная облачность и склизкая морось уже достали! Однако за последнее время я набил столько дичи, что в ближайшую неделю даже намек на голод мне не грозил. То есть не придется переходить на невеликие прихваченные из дому припасы. Скорее нужно было переживать, чтобы добыча не испортилась. Этим я и решил озаботиться. Притащил из сеней шаткую лестницу, взял фонарик и, откинув люк в потолке, полез на чердак исследовать дымоход на предмет коптильни. Раньше все как-то руки не доходили – то есть я знал, что коптильня имеется, но сам ей никогда не пользовался.

Как ей и положено, коптильня обнаружилась на своем месте – у дымохода. Осмотрев незамысловатое устройство, я полез было обратно, но зацепился взглядом за сваленный на чердаке хлам. Помнится, я ковырялся в нем еще в детстве, но ничего интересного, кажется, не нашел. За исключением здорового медвежьего капкана, он и сейчас тут лежал. А кроме него: тележные колеса, хомут и другие остатки конской упряжи – ну а как же, не даром деревня Одрино называется. Сломанная прялка, горшки, чугушки и крынки, ржавые железяки, трухлявые деревяшки, развалившиеся бочонки, сгнившие мешки с тряпьем, еще какая-то рухлядь – в общем, мечта этнографа. Однако сейчас меня заинтересовало не это. В дальнем углу чердака полузасыпанный мусором

стоял большой обитый позеленевшей от времени медью сундук, закрытый на кованый замок. Я смутно помнил, что когда-то его уже видел, но открыть почему-то не попытался. Даже странно... Пожалуй, стоит исправить это упущение. С годами я, может, и стал чуть менее любопытным, но исследовательский дух подрастерял не совсем.

Сказано-сделано! Шустро смотавшись вниз за топором, я опять влез на чердак и вплотную подступил к сундуку. Замок сопротивлялся недолго: подцепив топором, я варварски сорвал его вместе с проушинами и приподнял тяжелую крышку.

Сверху сундук был завален старинной одеждой, когда-то жутко богатой, о чем однозначно свидетельствовали золотое и серебряное шитье и пуговицы из драгметаллов. Теперь одежда немного выцвела и обветшала, но на первый взгляд оставалась достаточно крепкой. Откуда в этой глуши такая роскошь? Я поочередно доставал и складывал рядом разнообразные предметы гардероба. Какие-то кафтаны, штаны, несколько облезший волчий полушубок... еще что-то, чему я и названия не знал, сапоги, кстати, вполне приличные... Какому времени принадлежат находки, я определить затруднялся, все же не специалист, но в голове мелькали ассоциации с семнадцатым, почему-то, веком. Однако поражала невероятная сохранность имущества, для одежды более чем трехсотлетней... ну пусть даже столетней давности она выглядела просто отлично. Правда, когда пошли вещи

поинтереснее еще больше удивил тот факт, что до сундука не добрались раньше меня. Такого просто быть не могло! Но вот случилось... Уже через пару минут раскопок меня обухала «золотая лихорадка».

Из-под груды одежды показались обернутые промасленной кожей свертки... Достав самый большой, я перерезал стягивающую его бечевку и аккуратно развернул. В руках у меня оказалось старинное, исключительной работы кремневое ружье, вернее нарезной штуцер. Подстать штуцеру оказались и извлеченные несколько позже пара пистолетов.

Если меня удивила сохранность одежды, то все остальное выглядело, как будто его сложили в сундук буквально вчера. Утрирую, конечно, но не слишком.

К огнестрельному оружию прилагались чехлы с наборами принадлежностей для чистки, заряжания и мелкого ремонта. Смотри-ка как все серьезно!

Дальше последовал целый арсенал холодного оружия. Первым мне попался здоровенный нож, по исполнению напоминающий медвежий ножи Самсонова²³ – строго и сердито. В общем, его и кинжалам назвать можно – для подобных вещей четких градаций не существует. Рукоять из черного дерева, черт его знает какого... похоже, что мореный дуб. Прямая крестовина и массивное оголовье рукояти черного серебра. Клинок полуторной заточки, с долами и по-

²³ Егор Самсонов – знаменитый русский мастер XIX – XXвв., специализирующийся на ножах.

ниженной линией обуха, то есть почти симметричный, длинной сантиметров тридцать – ну надо же, чуть ли не полумеч. На пяте клинка клеймо – медвежья голова. Сам нож совершенно без украшений, если не считать ими серебряную насечку на лезвии, не поймешь то ли хитрый узор, то ли рунические надписи. А вот сталь явно булат, и не сварной²⁴, что было бы не столь удивительно, а литой²⁵ – черный с красным отливом и коленчатым узором! После Аносова²⁶ у нас (да и нигде больше) таких булатов не получали, секрет опять был утрачен. А все вопли о том, что он внезапно нашелся, и вот такой-то мастер кует булатные клинки – обычная разводка и пиар. Значит, ножик не моложе середины девятнадцатого века. Если, конечно, его не сработал какой-нибудь неизвестный науке самородок, что маловероятно – слишком хорошо сделан, да и материалы не из арсенала сельского кузнеца. Да какая там середина девятнадцатого, судя по остальным вещам, он постарше будет! Ножны – тоже мореный дуб, а прибор – черненное серебро. В общем, обалденная вещь!

Еще один нож, но кривой и покороче – похоже засапожник, по виду вышедший из той же кузни, что и первый – булат, мореный дуб и серебро. Из той же серии оказался и бу-

²⁴ Сварной булат – Дамаск, узорчатая сталь получаемая кузнечной сваркой с помощью многократных проковок.

²⁵ Литой булат – Вуц, литая узорчатая сталь, превосходящая сварной булат.

²⁶ П.П. Аносов – выдающийся русский металлург XIXв., восстановивший лучшие сорта индийского булата.

латный наконечник рогатины, его перо украшала все та же насечка.

А вот сабля и кинжал на изукрашенной золотом двойной перевязи, или скорее портупее, из общего ряда выпадали. Потому как если остальное оружие, несмотря на использование ценных материалов, было сугубо функционально, то это отличались вызывающим богатством отделки. Саблю, насколько позволяли мои невеликие познания, я отнес к поздним, польско-венгерским или даже гусарским образцам – слабо изогнутый клинок, гарда полукорзиной из нескольких выгнутых дужек с закрытым эфесом²⁷. В общем, оружие подходящее не только для конного, но и для пешего боя. В истории я конечно профан, но касаясь оружия не полный. Материал клинка тоже булат, но не такой, как на ножах и рогатине, а отливающий золотом. На память я сорта булата не помню, но и этот явно был не из последних. Эфес оружия был отделан золотом, а в навершие красовался не маленьких размеров рубин. В пару сабле был и слегка изогнутый, также украшенный рубином, кинжал. Одним словом, оружие если не парадное – так как по своим характеристикам вполне боевое, то статусное, уж точно.

Затем я вытащил из сундука стальные наруч и короткую кавалерийскую кольчугу. Ну, кольчуга это объяснимо – на медвежью охоту их надевали нередко, а чтобы уберечь

²⁷ Эфес – состоит из гарды (гарды, крестовины, перекрестья), рукояти и навершия.

скальп, еще и шлем натягивали, но его я в сундуке не приметил. А вот наруч зачем? Тогда уж и другие части доспеха должны быть или хотя бы второй наруч, а их не наблюдается. Хотя, может, наруч предполагалось медведю в пасть пихать, если уж совсем край?.. Я как-то подсознательно настроился, что вещи принадлежат охотнику-медвежатнику. Ну а кому еще могут пригодиться рогатина и медвежий нож?

Надо ли говорить, что, разбирая сундук, я находился в полном обалдении.

Дальше шли предметы покомпактнее. Арапник²⁸ с вплетенными в него серебряными шипами и кольцами, серебряная гирилка кистеня в форме многолучевой звезды, на стальной цепочке. Патронташ с пороховыми навесками в вошеной бумаге, подсумок с пулями и оправленная в серебро пороховница из рога. Порох наверняка пришел в негодность, но чем черт не шутит, потом, ради интереса, можно будет проверить. Вроде черный порох, в отличие от пироксилинового, храниться может очень и очень долго.

После был закрученный баранкой серебряный охотничий рожок. Не удержавшись, я дунул в него и поразился бархатной чистоте звука. Вообще-то явно просматривался некий перебор с аргентумом²⁹: не считая чисто серебряных изделий, практически все металлические части снаряжения и амуниции были из него же. А окончательно меня добил ме-

²⁸ Арапник – охотничий кнут.

²⁹ Аргентум (Ag) – серебро.

шочек с серебряными пулями – им что тогда, драгметаллы девать некуда было, или хозяин добра на оборотней охотился?! В найденном раньше подсумке пули обретались самые обыкновенные – свинцовые. Кстати, все пули, что обычные, что нет, были конструкции Минье³⁰, а это, если мне не изменяет память, середина девятнадцатого века.

Взвесив в руке кожаный кошель, я мельком глянул в него и, подивившись разнообразию золотых и серебряных монет, отложил пока в сторону – позже надо будет исследовать его основательней. Возможно, появятся ответы на некоторые вопросы.

Потом я извлек на свет пулелейку в комплекте с куском свинца и приличным мотком опять же серебряной проволоки. Тут и призадумался... Судя по набору вещей, найденный мною скарб явно принадлежал охотнику, но охотнику какому-то неординарному. Он что, действительно нечисть промышлял? Последующие находки косвенно подтверждали такую мысль.

Широкий кожаный пояс с парой подсумков, усиленный металлическими бляшками, был увешан непонятными штуковинами, смутно ассоциировавшимися у меня с какими-то оберегами. В подсумках кроме огнива тоже оказались предметы, судя по всему, ритуального значения. Например, рос-

³⁰ Пуля Минье – благодаря этой пуле существенно повысилась скорострельность нарезного, дульнозарядного оружия. Заходя в дуло ружья свободно, при выстреле пуля расширялась, обеспечивая обтюрацию.

сыпь костей, наподобие игральных, с выгравированными на них руническими символами, или небольшие фигурки уродливых то ли демонов, то ли божков. Принадлежность других вещей я определить не смог, но и от них явственно паховало язычеством.

Последним я достал из сундука небольшой ларчик или шкатулку. Ключа к ней не было, но, повертев вещь в руках, я быстро сообразил, что нужно делать, и нажал на выступ в районе замка. Шкатулка тут же открылась, а я как-то даже не удивился, что все оказавшиеся в ней изделия из серебра. Наверное, уже привык. Массивный браслет – чуть ли не наруч, перстень-печатка, который запросто можно было использовать вместо кастета, и большая серьга с зеленым камнем, видимо изумрудом. Кроме этого в шкатулке находился... наверное, амулет – изукрашенная непонятной символикой, круглая блямба на толстой цепи. На символ веры она нисколько не походила – видимо, действительно какой-то талисман. Чего-то вроде креста или каких других христианских регалий в сундуке не обнаружилось. Странно все это... ну да плевать, и прочих странностей предостаточно.

На дне шкатулки оказался небольшой кожаный мешочек. Развязав стягивающий его горловину шнурок, я высыпал содержимое мешочка в ладонь. В свете фонаря блеснули необработанные драгоценные камни... Охренеть! В том, что это не стекляшки, сомнений у меня практически не было. Но

потом надо будет проверить те, что напоминают алмазы, хотя бы на стекле. Вот вроде и все... Однако, не мало!

В несколько приемов перетаскав найденное барахло вниз, я уселся за столом, закурил и задумался. Вообще-то интересно, наблюдаются некоторые анахронизмы и смешение стилей. Если одежда вроде допетровских времен³¹, то ружье и пистолеты я бы отнес к середине девятнадцатого века – уж больно совершенные замки, до казнозарядных систем буквально один шаг. Пули Минье, опять же... Кольчуга, наруч, все эти амулеты с оберегами – чертовщина какая-то! Хотя дремучей стариной от вещей и не пахнет, но и на новоделы они совершенно не похожи. Опять же выглядят как бывшие в употреблении – царапины там, потертости... хотя следили за ними хорошо. Из штуцера и пистолетов явно стреляли – вопрос как и в кого? А вот холодное оружие совершенно точно побывало в серьезном деле – характерные отметины на клинке, будь он хоть трижды булатным, и зарубки на гарде ни с чем не спутаешь. Видно, что их любовно заполировывали, но следы все равно остались.

А с монетами и вовсе полная чехарда. Так бывает с кладками, если они копились веками, а тут все просто в кошельке. Ладно, датировать находку все равно принято по году последней выпущенной монеты, уж это-то мне известно. Ну-ка, посмотрим! Разложив на столе монеты, я принялся внимательно их изучать... тут-то меня и накрыло! Как мне по-

³¹ С 1699г. Петр I запретил дворянам ношение русского костюма.

казалось еще наверху, монеты находящиеся в кошельке, представляли собой жуткую мешанину – от чешуек, ходивших на Руси до реформы Петра I, до рублей и червонцев Николая II. Ан нет! Не Николая... просто немного похожи. Удивительно, как я, даже глянув на них мельком, мог впасть в заблуждение. Наверное, сработали стереотипы сознания, и я увидел то, что ожидал увидеть.

В задумчивости я вертел в руках так поразившую меня монету. С виду очень похожа на царский червонец, вот только вместо портрета Николая II какой-то неизвестный дядька. Надпись: «Государь и Великий князь всея Руси Святослав V». На реверсе монеты не двуглавый орел, а пикирующий сокол, надпись 10 кун, и русским языком... то есть арабскими цифрами обозначен год выпуска... или чеканки – 7510³²! Что прикажете думать?.. Первое, что приходит в голову, это дата от сотворения мира, а не от рождества Христова, но хоть убей, не помню, как они соотносятся. И я совершенно уверен, что ничего похожего на такую монету в России, на Руси, да и вообще в мире не существовало!

Остальные монеты, внешне немного похожие на старые российские, тоже оказались с портретами совершенно неизвестных мне людей. И даты под ними, и надписи... Мне эти государи оказались совершенно не знакомы. Были среди мо-

³² 7510г. от сотворения мира соответствует 2001-2002гг. по григорианскому календарю. По некоторым теориям «сотворение мира» означает не возникновение мира вообще, а конец какой-то войны.

нет подобия российских рублей, была серебряная мелочь, что-то вроде копеек, только с надписью столько-то вевериц, попадались и чешуйки из расплющенной серебряной проволоки, а разброс по датам составлял лет девяносто – сто. По крайней мере, дата на одной из попавшихся мне монет была 7416г. О «чешуйках» судить было сложнее, то есть совершенно невозможно, поскольку на штемпеле даты для них было вообще не предусмотрено – дай бог рисунок с гербом нормально пропечатается.

Вообще-то я люблю почитать фантастику, но вот сталкиваться с ней самому мне еще не приходилось. Нет, конечно, за свою богатую впечатлениями жизнь я был очевидцем многих выходящих за рамки обыденного вещей. Но вот чтобы такое!.. Любые розыгрыши я отбросил сразу – некому меня разыгрывать, тем более здесь. К тому же, для такого розыгрыша потребовалось бы ограбить как минимум Оружейную палату. Я еще могу ошибиться в злате-серебре и самоцветах – правда, и это вряд ли, все же геолог, хоть и гидро... и камень от стекляшки отличу, – но вот булат точно ни с чем не перепутаю. Да и прикладывать запредельные усилия для... да хоть чеканки никогда не существовавших монет никто не будет. Исходя из этого, единственное, что приходило в голову – эти вещи не принадлежат нашему миру! Как бы дико это ни звучало... Если исходить из этой гипотезы, то все становится на свои места... ну почти все. Неясностей все же остается немало, но меньше чем в любом другом случае.

В связи с находкой меня одолевали какие-то нехорошие предчувствия. К тому же по самым скромным подсчетам свалившееся на голову имущество потянет не меньше, чем на «лимон енотов», а скорее в несколько раз больше! Это не считая драгоценных камней. Но в расценках на драгметаллы, ювелирку и антиквариат я ориентируюсь плохо. То есть вообще ничего не смыслю. А все это надо еще умудриться продать, не влипнув при этом в историю. Такие деньги имеют свойство притягивать неприятности. Можно, конечно, все себе оставить, но я не коллекционер, хотя с оружием расставаться будет жалко. Оставляю, пожалуй, ножи и рога-тину – уж больно хороши. Но все это можно будет обдумать потом, уже в городе.

Показательно, что мысли сдать находку государству у меня даже не возникло. Ну, это и понятно – сначала обдерут как липку, а потом разворуют. Я был знаком с человеком, которому посчастливилось найти сборный клад монет XIII – XVI вв, из чешуек, кстати, там и очень редкие попадались – удельных княжеств, и он по дурости потащил его сдавать. Несколько килограммов старинных серебряных монет оценили как лом металла, выплатили четверть стоимости и похоронили в запасниках Эрмитажа, откуда клад со временем благополучно испарился – знакомый, ради интереса, не поленился навести справки. Происходило это еще в советские времена, но с тех пор если что и изменилось, то только к худшему. Предполагаю, что сейчас, не имея нужных связей,

можно остаться не только без клада, но и без вознаграждения, а то и жизни лишиться – у людишек, занимающихся подобными вопросами и греющих задницу на антиквариате, давно все схвачено. Да и не предполагаю – стопроцентно уверен! Так что вещи придется вывозить из страны и реализовывать окольными путями. Там, конечно, тоже вероятны проблемы, но по сравнению с теми, что могут возникнуть здесь, они даже не котируются. А их бандиты против наших – как «плотник супротив столяра»: если и ограбят, то цивилизованно, и в бетон не закатают. Ну а с таким подходом можно будет и побарахтаться... В общем, изначально понятно, что легально реализовать находки не выйдет.

А вообще-то большую часть вещей и, конечно, монеты придется занывать, иначе могут возникнуть различные вопросы. А мне оно надо? К тому же совершенно не понятно, можно ли отнести найденные предметы к антиквариату и какие еще непонятки вылезут при вдумчивой экспертизе? Такие дела... Остаются только драгоценные камни. Кстати, надо бы их проверить. Наугад выудив из россыпи самоцветов один из тех, в которых подозревал алмазы, я подошел к окну и провел камнем по стеклу. Любые сомнения тут же отпали – алмаз был настоящий! Думаю, подвергать сомнению остальные камни было излишне... Если так, то этот мешочек один стоит бешенные миллионы. Камни все крупные и без видимых изъянов, по весу в мешочке их будет грамм двести...

наверное. Сколько это будет в каратах ³³, я представлял смутно, раз в пять, вроде, больше...

Еще пару часов я перебирал вещи, ломая голову над загадкой их происхождения. Но стройных гипотез не складывалось, и ничего, кроме откровенной фантастики, в голову не лезло. Ясно было одно – неожиданная находка внесла серьезные коррективы в мои планы. Пожалуй, задерживаться здесь я не буду. Вот прогуляюсь завтра в последний разок по лесу, приведу мысли в порядок и буду выбираться в город. На том и порешим, а сейчас надо отбиваться ко сну – утро вечера мудренее...

Проснувшись и позавтракав, я задумался, что делать с найденными вчера сокровищами. Оставлять их просто валяться в комнате духу у меня не хватало. Хотя вероятность появления здесь кого-то чужого исчезающе мала, но она есть. Поэтому разволновавшаяся жаба настойчиво требовала находки спрятать.

Пойдя на поводу у разбушевавшегося земноводного, я встал из-за стола и, перетаскав нежданную добычу обратно на чердак, сложил в сундук – стоял он нетронутым столько лет, думаю, и еще денек простоит. Вот только завалить его валяющимся вокруг хламом вовсе не помешает – от греха, так сказать...

Оставить при себе я решил только мешочек с драгоценными камнями – не велика тяжесть, а цены немалой. Возь-

³³ Карат – 0,2 грамма.

му с собой, мало ли что... Кроме того, не стал укладывать в сундук охотничий нож. Сойтись с медведем в рукопашную я давно уже отчаялся, поэтому здоровенных свиноколов на охоту с собой не таскал, ограничиваясь парой ножииков поскромнее и более удобными для работы. Обычно, финским пуукко и чем-нибудь еще. Но тут я решил отступить от своих правил и прицепил медвежий нож на бедро – уж больно он оказался хорош, а я, как любой нормальный мужик, испытываю слабость к оружию, холодному в особенности, и с ножом еще не наигрался.

Вернувшись вниз, я увидел, что забыл на столе браслет. Странно, обычно рассеянностью я не страдаю, а не заметить его было сложно. Но заново разгребать сундук было лень – черт с ним, перед выходом спрячу где-нибудь в доме.

Сборы на охоту много времени не заняли, да и чего там собирать, все давно подготовлено, каждый день ведь хожу. Надо только добавить в патронташ несколько патронов взамен расстрелянных, да сунуть в небольшой рюкзачок немного еды. Он же служит мне ягдташем. А кроме провианта на пару перекусов я таскаю в нем несколько необходимых мелочей, алюминиевый солдатский котелок и охотничий топорик – без топорика в лесу никуда. После этого останется только куртку накинуть. Вот и готов. Покурю, и можно двигать...

Надев рюкзачок и сняв с гвоздя ружье, я вышел на крыльцо и только тут заметил, что держу в руке браслет. Как прихватил его со стола даже и не помнил – неужели склероз на-

чинается? Возвращаться плохая примета, а я, как и все охотники, немного суеверен. Так что, немного повертев браслет в руках, я, недолго думая, защелкнул его на запястье, и он пришелся точно по руке.

Когда массивный браслет сошелся на предплечье, я ощутил укол, вроде как от статического электричества, на мгновение потемнело в глазах и закружилась голова. Но внимания на это не обратил, списав легкое недомогание на свежий воздух, и, сойдя с крыльца, двинулся к лесу. Я еще не догадывался, что со щелчком браслета закончилась прошлая жизнь, и начался новый этап моей биографии.

Глава 3

Звериной тропой углубившись в лес, ничего странного я поначалу не заметил. Разве что необычно большое количество дичи – всего за час я настрелял пару тетеревов, глухаря, залетного вальдшнепа и несколько рябчиков. Казалось, все они игнорировали присутствие охотника, совершенно не собираясь удирать и прятаться. Если так пойдет дальше, скоро придется возвращаться домой: рюкзачок и так раздулся, потяжелев килограмм на десять. Не то, чтобы я был недоволен результатами охоты, как раз напротив, но количество и безалаберное поведение дичины вызывало искреннее недоумение. Здесь хоть и глухомань, но подобного изобилия я раньше не замечал.

В голове же назойливо бились мысли о находке. Весь сегодняшний день я ощущал некоторое беспокойство, а с момента выхода из дома в мозгу свербила непонятная заноза. Думая отвлечься, я попытался сосредоточиться на охоте. У меня так часто бывает – хочешь получить нужный результат, отвлекись и выкини проблему из головы, ответ выскочит сам собой. Но пока почему-то не выскакивал... Да и сама слишком уж добычливая охота неожиданно подбросила пищу для размышлений. К тому же, я начал подмечать и некоторые другие несуразности. Не сказать, что я знаю окрестности до последнего кустика, но все же исходил здесь нема-

ло, поэтому окружающая действительность стала вызывать во мне удивление – подобного леса я здесь раньше не наблюдал. Окрестные леса хоть и отличаются изрядной дремучестью, но реликтовыми пущами я их бы не назвал. А вот места, куда я неожиданно забрел, отойдя не больше трех-четырех километров от деревни, под это определение как раз подходили очень и очень хорошо. Деревя-то все какие могучие!

Что за хрень? Вспомнив о деревне, я встал как вкопанный. Вот оно! Заноза в мозгу, наконец, получила свое объяснение. Но не скажу, что оно порадовало. Я неожиданно понял, что не знаю, в какой стороне находится Одрино – то есть потерялся! И это отойдя от дома всего километра три. Нет, такое, конечно, случается, но только не со мной. Поймите меня правильно – заблудиться я не могу в принципе! Чувство направления у меня врожденное; возможно, это качество как-то сочетается со способностями лозоходца. Не знаю... Но такое свойство организма очень помогало по жизни во время разнообразных странствий и скитаний, а в особенности на войне. А тут на тебе – отказало! Чтобы картина моих, несколько необычных, способностей была полной, добавлю: еще я хорошо чувствую чужой, особенно недобрый, взгляд, а иногда вообще могу предчувствовать опасность. И опять же, это не раз спасало мне шкуру в Чечне.

Дураком я тоже не был и мгновенно связал произошедшее недоразумение со вчерашней находкой. И к гадалке не ходи – это как-то взаимосвязано. Там голимая фантастика, и

здесь сплошные непонятки. Что из этого следует? Объяснение напрашивается одно – я уже где-то в других краях, а во все не в новгородской области! Все один к одному – тут и потеря направления, и ненормальное количество дичи, и пуща эта дремучая. Вопрос только – в каких краях? Загадочное и непонятное происхождение найденных вещей навевало совсем нехорошие мысли. От таких догадок продрало ознобом – голову я не потерял, но стало весьма неудобно. А может, я все-таки фантастики перечитал и сейчас себя накручиваю? Ведь могут быть и другие объяснения? Короче, надо не паниковать, а сориентироваться и попытаться выйти к деревне или хотя бы найти знакомые места; возможно, по дороге что-то и прояснится. А пока буду перебирать копытьями, шевелить мозгами и смотреть в оба!

Неожиданно мне в голову пришла еще одна мысль – может, все дело в браслете. Вспомнить хоть его странное поведение – он все время оказывался у меня в руках и никак не хотел укладываться в сундук. Ну-ка, посмотрим...

Сниматься браслет не пожелал! Я потыркал его и так, и эдак, даже ковырнул застежку ножом, но результата не добился – намертво сидел, зараза! Рубить браслет или руку топором я все же не стал – сердце вещует, что это не поможет, а вот ухудшить ситуацию может вполне... Отрубленная рука однозначно ухудшит. Значит, пока оставим все, как есть и просто попытаемся выбраться.

Как говаривал один из книжных героев: «Главное опреде-

лить, где запад, где восток!». Вот, значаща, и будем определять... по солнцу... Которого за тучами и не видно. Но не по муравейникам же и мхам на стволах ориентироваться. И уж тем паче не по густоте ветвей и годовым кольцам на спилах деревьев. А в голове только эта муть и застряла. Нет, все же какие кретины подобные пособия по выживанию пишут! Как же, почитывали... Вот прям бы взял и выбросил такого автора в глухой тайге с одним только его опусом в руках! Пушай он с его помощью самолетам семафорит или количество калорий в сосновой шишке высчитывает. Но подозреваю, что такая методичка сгодится только для борьбы с последствиями «медвежьей болезни». Ну, да и бог с ним... с автором этим – вечная память! И забыли... А вот мне что делать?

Для ориентации на местности у меня не было даже часов, привык мобильником пользоваться, хотя и часы помогли бы не сильно. Раньше у меня не возникало необходимости прибегать к подобным рецептам – вот ничего толкового и не запомнил. А на небе только ковши Медведиц и Полярную звезду найти могу... ну еще Южный крест отыскать, если дело происходит с другой стороны шарика... и, естественно, только ночью. И по солнышку направление прикинуть, при хорошей погоде – чего нам, по-моему, не грозит: морось как сыпалась, так и капает. Однако не все так печально – примитивный компас я себе сварганить все же смогу. Хорошо, есть из чего...

Найдя подходящую низинку, я продавил мох ногой и на-

цедил в крышку от котелка немного воды. Затем отщипнул от ближайшей сосны кусочек коры и выстругал из него ма-люсенький поплавочек. За лацканом куртки у меня была вот-кнута толстая, с большим ушком, игла – не раз убеждался, что она может пригодиться. На скорую руку заштопать дырку в одежде самое то. Да и по-другому можно использовать – например, как сейчас. Обмотанная вокруг иглы суровая нитка мне не понадобится, поэтому я смотал ее и убрал в карман. Насадив поплавочек на иглу, я немного задумался: нарисовалась небольшая проблема. Вопреки пособиям и советам бывалых, намагнитить иголку я не озаботился. Хотя все решаемо – натер ее о волосы. Аккуратно опустил иглу в крышку с водой, я пару раз легонько крутанул ее пальцем и с удовольствием убедился, что самодельная буссоль работает – каждый раз, останавливаясь, наконечник иголки указывал в одну и ту же сторону. Дело было за малым: определить, куда это он, зараза, смотрит – на север или на юг?.. Небо, конечно, затянуто, но логично будет предположить, что юг находится в том направлении, где оно посветлее. Или, может, там просто туч поменьше? Однако делать нечего, надо плясать от того, что есть. То есть от объективной реальности, данной нам в ощущениях...

Представив в голове карту, я попытался осознать себя в пространстве. Выйдя из дому, я углублялся в лес, держа курс приблизительно на запад. Ежу понятно – возвращаться надо на восток... но тоже весьма приблизительно. М-ммда... глу-

бокие выводы, но хоть что-то. Вот на этот приблизительный восток и двинем... Главное – не промахнуться!

Уже через двадцать минут пути, я практически полностью уверился, что оказался в другом мире – наткнувшись на зубров. На фоне последних событий возможность того, что звери сбежали из зоопарка или меня каким-то образом перенесли в Беловежскую пушу, показалась мне очень натянутой. А может, в прошлом очутился? Хотя и это вряд ли – совсем уж перебор получается. Если я еще допускал возможность существования параллельных миров, да и наука там что-то такое накопила, то в машину времени не верил напрочь.

С зубрами мы разошлись мирно: они почти не обратили на меня внимания. В свою очередь, не стал стрелять и я, экономя патроны – теперь каждый на счету. Если все действительно так плохо, как мне кажется, возможность ими заняться еще подвернется.

Еще через некоторое время я вышел в знакомые места. Ну, относительно знакомые, конечно – просто местность стала более-менее узнаваема, хотя и сильно изменилась. Одрино в природе больше не существовало, а вот бугор, на котором оно стояло, остался. Правда, теперь он почти весь порос лесом. Озерцо, как и речушка, тоже оказались на своем месте, только сейчас ранее заросшая протока стала выглядеть куда приличнее, да и воды в ней явно прибыло. Такие дела... В голове что-то щелкнуло, и чувство направления встало на место – видимо, найдя точку отсчета.

Итак, я в другом мире. Слабая надежда, что это не так, окончательно похоронена. А раз округа все же похожа на ту, что я знал, то это явно не другая планета, а какое-то из отражений Земли. Вероятно, так... Значит, нужно держать ухо востро: зубров я уже видел, мало ли кто еще здесь водится, – в общем, расслабляться не стоит. С такими размышлениями я перезарядил ружье, загнав в один ствол пулю, а в другой картечь. Вот ведь тормоз, надо было это сразу, как только непонятки начались, сделать.

Поднявшись на горку, я осмотрел место, где раньше стоял дом. Сундука там, естественно, не обнаружилось, ну да на это я особо и не рассчитывал. Замануха, блин! Как пить дать, замануха! Усевшись на поваленный ствол, я стал обдумывать свои дальнейшие планы.

Собственно, вариантов было всего два: обустроиваться на месте или двигать куда-то на поиски людей. По зрелом размышлении, я решил остановиться на первом варианте. В общечеловеческую любовь к ближнему своему я не верил, и прежде, чем соваться к цивилизации, если она здесь вообще есть, нужно будет разведать обстановку и, возможно, взять «языка». А для начала аккуратно обследовать окрестности. К тому же, как мне кажется, сорвавшись в путь, я окончательно отрежу себе дорогу домой. А оставшись на месте, можно будет попытаться отыскать какой-то выход. Как это сделать, я пока не представлял, но может, со временем появятся какие-то идеи... Вон хоть браслет попробую вдумчи-

во раскурочить. Значит, остаюсь.

Лагерь я решил разбить ниже, у озера – торчать на бугре не хотелось. Вот и отправился выбирать местечко. Лагерь – это, конечно, слишком громкое название, но уж какое есть. В общем, буду оборудовать стоянку.

Первым делом я нарубил елового лапника и выстелил им на земле лежанку. Затем наискось растянул над ней тент. Так он и от дождя защитит, и жар костра отражать будет. Мало ли что, заблуждаться я раньше не заблуждался, и блуждать не блудил, но вот не успеть выйти к лагерю или куда еще до темноты – это запросто. Вот и таскал с собой на всякий пожарный тент. Весит он всего-ничего, а польза бывает немалая. Раньше тентом служил кусок полиэтиленовой пленки, но это материал не слишком крепкий, к тому же быстро прожигается искрами, так что последнее время я брал с собой кусок синтетического полотна – легкий и прочный.

Покончив с оборудованием ночлега, я срубил и вбил в землю на месте будущего костра рогатины, а на них приспособил перекладину. Вот, собственно, и все, теперь можно и по дрова. Отойдя недалеко в лес, выбрал и завалил подходящую сосновую сушину, потом разделал ее на четыре части и оттащил в лагерь. Ветки пойдут в костер прямо сейчас, а из бревен я на ночь запалю нодью³⁴.

Разведя костер и сходяв к роднику за водой, я взялся за приготовление обеда. Ничего особенного изобретать не стал,

³⁴ Нодья – ровно и долго горящий костер из бревен.

просто потушил в котелке рябчиков, а потом замутил чайку.

Покуривая после еды, я наметил себе первостепенные задачи. А чтобы грамотно воплотить их в жизнь, для начала не мешало бы произвести инвентаризацию имущества и уточнить, с чем мне придется тут робинзонить. Этим, пожалуй, и следует заняться.

Итак, что мы имеем? В первую очередь ружье – штучная двустволка 12 калибра ИЖ-27М, магнум то есть, под патрон 76мм, но и 70мм подходит. Обычное такое ружье, типа как ТОЗ-34, только чуть получше – туляки там что-то с механизмом перемудрили, сразу и не соберешь, особенно на морозе, а у ИЖа все просто. Да и всяким «бенелли» с «фабармами» оно не уступит, хоть и намного дешевле. Разве что качеством отделки. Но мне им не на коллективных охотах с понтом светить. К тому же, свое ружье я приобрел, перебрав и вдумчиво обнюхав десятки стволов в десятке магазинов.

К ружью, естественно, патроны. Два подсумка по двенадцать штук на поясе и еще дюжина россыпью в рюкзачке. Плюс два в стволах... Но восемь штук я сегодня расстрелял – значит, осталось всего тридцать. М-ммда... не густо. Из них четыре пулевых и два с картечью, остальные дробь, правда, в основном крупная и средняя – накоротке тоже убойный аргумент. Вот и воюй, как хочешь, с таким-то арсеналом. Придется боеприпас экономить, а на мелкую дичь вообще забить. Кстати, забавно, что для самообороны у нас именно гладкоствол разрешен... в некоторых случаях. Заряд дро-

би в упор (а больше, чем на пять метров стрелять низя – уже не самооборона выходит) – стопроцентная смерть гарантирована, куда ни попади, если уж не от повреждений, то от болевого шока точно! Там не рана, а сплошной фарш получается... К слову, дичь, если в нее угодило несколько дробинок, именно от шока и помирает.

Из ножей у меня с собой финка и тот самый медвежий нож, есть еще раскладник – бутерброды делать и которым не жалко консервы открывать. Плохо, что еще один в доме оставил – ножей много не бывает.

Еще у меня был небольшой топорик, упаси боже не туристический, а вполне человеческий, то есть охотничий. Сейчас стало популярно с собой мачете таскать, но оно хорошо в джунглях и зарослях, а в наших лесах прорубать себе дорогу как-то не принято, легче обойти. Да и настоящее дерево им рубить замаешься. А сахарного тростника и кокосов у нас не растет. Мачете я беру, только если отправляюсь куда-нибудь на юга. На этом перечень оружия... или предметов двойного назначения, был исчерпан.

Ну, про тент и котелок я уже говорил, а ложка и кружка как бы сами собой подразумевается. Добавлю, что крышку от котелка можно как сковородку использовать, или как миску, или еще каким нетривиальным образом... вон как я давеча – компас из нее смастерил.

В рюкзаке лежали: маленький, но мощный фонарик на светодиодах... который почему-то не работал – обидно, ба-

тарейки что ли сели? Двадцатиметровая лавсановая стропа и пара крепких и больших полиэтиленовых мешков – мало ли, добычу упаковывать придется. Какой-то специальный комплект для выживания я себе не собирал, но всегда имел с собой несколько рассованных по карманам полезных мелочей. Например, моток медной проволоки, скотч, оселок, пару запасных одноразовых зажигалок и огарок свечи – полезная штука, а в случае чего можно настрогать парафин для растопки костра, хотя до подобных крайностей я обычно не опускался. Даже если все вокруг отсырело и идет проливной дождь, растопку изобрести не проблема. Ну, про бересту все знают, а еще можно сделать затес на елке или сосне и, дождавшись, когда выступит смола настругать щепочек – отличное топливо!

Вот только принадлежности любого набора выживателя – хваленых презервативов – у меня не имелось... Чушь это, что в них воду хорошо таскать: любая веточка или колючка – и кирдык. Да и интересно было бы посмотреть, как выживальщик станет наполнять свой презерватив водой, например из озера, а не из водопроводного крана – напора-то нет! Использовать этот девайс возможно только по прямому назначению, а в лесу с такими вещами обычно напряженка. Если конечно не планировать вступить в противоестественные отношения с лесной живностью... Правда, можно натянуть презерватив на раненый палец в целях предохранения от инфекции... и с ним попрощаться. Сгниет палец. Нет, если у

вас с собой оказался только запас гандонов, то конечно... на что-нибудь и сгодятся – может, плохонькую рогатку смастерить получится, но брать их с собой специально...

За отворотами воротника, кроме иголки, было воткнуто по паре обмотанных леской крючков и мормышек – я даже когда куртку стираю их не вытаскиваю, так там и живут. А, что им нержавеечным сделается?.. Кроме этого на шее болталось новомодное огниво из ферросплава – это если уж совсем край и зажигалки в труху рассыпались – от друзей подарок, таскаю только для понта бандитского. Имелись две французские булавки – это когда что-то неожиданно порвалось, а зашивать влом или совсем некогда. Да и вообще вещь полезная.

Еще был спиннинг... нет, не то, что вы подумали, а из консервной банки, вернее из кофейной – она лучше, стенки вогнутые, так что леска не соскальзывает, и крышка у нее есть, блесны носить удобнее. В общем, компактная такая снасть, и пользоваться ею просто – одной рукой блесну закидываешь, как донку, а большим пальцем другой регулируешь ход сматывающейся с банки лески. Ненамного сложнее, чем спиннинг с инерционной катушкой использовать. В банке три запасные блесны с поводками, переложенные ватой, чтоб не гремели. Так что при желании я смогу наловить рыбки.

В общем-то к рыбалке я довольно равнодушен, разве что люблю бить рыбу острогой, ну так этот промысел охотой называется, а не рыбалкой вовсе, и у нас опять же запрещен.

Считается, что лучить рыбу неспортивно и жестоко – бывает много подранков. А подводная охота как же? Вот там подранков действительно много, однако можно... Если умешь пользоваться острой никакой покалеченной рыбы не будет – только тушки и трупики. А насчет неспортивности... так это смотря когда колоть – не в нерест же. В общем, класть я хотел на подобные запреты, у нас много чего запрещено. Как говорится: «Несовершенство законов компенсируется необязательностью их исполнения». Так что и острога у меня была с собой, маленькая такая острожка – трезубый наконечник гарпуна к подводному ружью, в кожаном чехольчике. Вот, пожалуй, и все... Если не считать оружия: ножей, топора, ружья и патронов, – все снаряжение не больше, чем на килограмм потянет.

Ах да, в кармашке рюкзака лежал мешочек с драгоценными камешками – вот уж совершенно бесполезная в моем положении вещь! Лучше бы засапожник или рогатину из сундука прихватил...

Одет я в камуфляжные штаны и куртку. Под курткой шерстяной джемпер с матерчатыми вставками на плечах, на ногах легкие «вибрамы». Шляпа тоже камуфляжная, а из запасных вещей только шерстяные носки и взяты, пятка и носок у них прошиты толстой нитью, чуть ли не веревкой, чтобы меньше протирались. Шерстяные носки чем хороши... Если даже промочишь ноги, такой носок отжал и можно опять надевать – шерсть и сырая греет. Да и если приходит-

ся в лесу заночевать, спать лучше не в обуви, а утеплившись носочками.

Частенько я прихватывал с собой и складной коврик из пено... там чего-то, а вот сегодня не стал – он хоть и очень легкий, но некомпактный. Теперь вот жалею... Даже обычного подзадника дурень не взял – совсем не рассчитывал сегодня по лесу блудить... только заключительный аккорд сделать и обратно.

Дальше я стал подсчитывать припасы. Кроме битой сегодня дичины, в рюкзаке обретались: половинка хлеба, кусок сала, пара луковиц, чай и кусковой сахар. Литровая фляга с родниковой водой. Еще с прошлых поездок завалились три пакетика «змеиных»³⁵ супчиков и упаковка бульонных кубиков – гадость они, конечно, изрядная, но иногда замутить горячего бульончика бывает неплохо. По карманам отыскивалось несколько леденцов: тоже вещь недурственная – тонизирует; правда, ненадолго... Полторы пачки сигарет – вот с куревом, похоже, придется подвязывать.

Из специй – черный перец горошком и лавровый лист. Грамм двести соли в пластиковой баночке. Если я не буду делать заготовок, то на некоторое время хватит. А потом придется как-то изворачиваться – без соли грустно, да и организму она необходима. Судя по всему, география тут от земной не отличается, соответственно и геология должна быть

³⁵ «Змеиный» супчик – Заправка для супа в пакетиках. Откуда пошло название, автору выяснить не удалось...

похожа. А насколько мне известно, под Старой Руссой есть соляные источники, может, придется туда наведаться – отсюда это не слишком далеко.

Лекарств у меня было немного, зато почти на все случаи жизни. Для ран, кроме бинта и пластыря, перекись водорода и марганцовка. Ну и антибиотик до кучи... Глазные капли. Как обезболивающее – кетанов. Активированный уголь и лопаринит от расстройства желудка. Кстати, марганцовка для этого тоже сгодится, ну да она вообще много для чего подходит – воду обеззараживать, например... Мне казалось, что на охоте этого более чем достаточно – все же не на войну собирался. Кто ж знал, что оно так выйдет... Ну, буду уповать еще и на дары природы, во многих случаях они не хуже лекарств работают.

Вот со всем этим и придется тут выживать, и неизвестно насколько долго... Прожить, конечно, проживу, но как бы совсем не одичать. Может, все-таки плюнуть, и на поиски человеческого жилья податься? Нет, хоть недельку, но обожду – а ну как лазейка обратно отыщется...

Оставшееся до вечера время я посвятил разведке ближайших окрестностей и в очередной раз убедился – дичи здесь действительно немерено. Я такого изобилия, считай, никогда и не видел. Думаю, и без ружья получится себя пропитанием обеспечить, а патроны оставить на крайний случай. Кроме того, по ходу насшибал немного грибов – беленьких и красненьких – тут, впрочем как и там, их как грязи. Поль-

зы от грибов, конечно, немного, сплошной неусваивающийся организмом хитин, но как добавка в меню сойдут. Сушить их сейчас тоже бессмысленно – сыро, но пока не приелись, сготовлю себе на ужин. На сале обжарю и с хлебом употреблю. Можно было бы и супчик сварганить, но без картошки он сплошная профанация. А вообще-то я присмотрел, чем можно будет картошку заменить, но это потом, сейчас заморачиваться не буду – возни много.

Еще и брусники насобирал, вкупе с листьями, потому как чай буду экономить, заваривая вместе с ними. Для тех же целей надо будет красной смородины и малины поискать.

После ужина стал укладываться. Одежда у меня не имелась, поэтому я снял куртку и набросил ее на себя сверху – так теплее получается. А дополнительно укрылся лапником – колется, конечно, но не так чтоб и очень. Ботинки тоже снял, и надел запасные носки. Устраивать нодью по всем правилам не стал, чай не зима, просто зажал угли концами двух бревен – надеюсь, до утра хватит; когда в одном месте прогорят, и начну подмерзать, просто передвину стволы.

Проснулся я посередине ночи, но не от холода, а от нехорошего предчувствия. Тучи, наконец, разогнало, и на небе, заливая призрачным светом окрестности, стояла полная луна. Игнорировать интуицию я не стал, а надел обувь и взял в руки ружье. Надо сказать, сделал я это вовремя – появилось отчетливое ощущение чужого взгляда.

Поднявшись на ноги, я встал чуть в стороне от костра, ря-

дом с воткнутым в ствол дерева топором, и так, чтобы тент не заслонял обзор. Висящее в воздухе напряжение сгустилось еще.

Они появились как из-под земли и сразу, без малейшего предупреждения, рванулись в атаку. Я так и не смог понять, откуда они вынырнули, а ко мне, стелясь над землей, уже беззвучно летели три смазанных серых силуэта. Волки! Здоровенные, ростом... «ну, вам по пояс будет», килограмм по семьдесят-восемьдесят навскидку. Такими крупными бывают единицы из волчьего племени, а тут сразу трое. Да и вообще, подобные повадки для волков не характерны – это очень осторожный зверь, и с человеком предпочитает не связываться. Это вам не одичавшие собачки, вот те да, человека не боятся и на людей кидаются запросто. Даже увидеть волка в лесу непросто. А напасть на человека они могут только с большой голодухи, да и то... лично я таких случаев не знаю, но в литературе вроде описывали. Удивляться мне был некогда. К тому же, кто их знает, местных хищников, может, у них такое поведение в порядке вещей. Все эти мысли промелькнули в голове за те мгновения, пока волки неслись ко мне.

Само собой взлетев к плечу, рывкнуло два раза ружье. Словив пулю, один из волков покатился по земле. А другому заряд картечи вместе с мордой разнес и череп. Третьего я встретил мощным ударом приклада, отшвырнув в сторону. К моему изумлению, сваленный пулей зверь как ни в чем не

бывало вскочил на лапы и опять ринулся в наступление. Вообще-то, такая пуля медведя останавливает и лося с ног валит, если удачно попасть. Получивший прикладом волк этого тоже как будто не заметил. Оба зверя кинулись на меня снова. И только безголовый лежал, подрагивая лапами в агонии.

Отбросив разряженное ружье, я, надавив на топорище, выдернул из сосны торчавший в ней топор и, размахнувшись, обрушил его на подскочившего первым зверя. Удар пришелся волку спереди, в плечо около шеи. Глубоко погружившись в туловище зверя, топор застрял в груди, но вытаскивать его было некогда – последний противник уже взметнулся в прыжке, метя мне в горло. Выпустив из рук топорище, я перехватил волчару в воздухе, ухватив за лапу и складку шкуры под челюстью. И пользуясь инерцией летящего тела, провернулся на месте, с маху саданув зверя о сосну. Отчетливый хруст ломающихся ребер и позвоночника сообщил, что беспокоиться о нем больше не следует.

В ту же секунду я краем глаза уловил движение сбоку, но отреагировать уже не успел. Бедро резануло болью. Оказывается, волк с застрявшим в груди топором подышать и не думал, а напротив, выждав, когда я отвлекусь на другого противника, разорвал мне ногу, хорошо хоть с внешней стороны – сухожилия и артерию вроде не зацепил. По крайней мере, кровью не фонтанирует, и нога не подкашивается. Это мне вообще-то повезло – ведь именно рванул клыками, по-вол-

чьи, и сразу отскочил в сторону, а не повис, вцепившись, как это делают собаки. Да что здесь вообще творится?! Они что, заговоренные?! Кое-какие мысли по поводу неубиваемости волков у меня уже промелькнули, но разбираться с ними не было времени – волк опять нацелился в бой. Топор в груди ему явно мешал, ограничивая подвижность, но не сказать что бы слишком сильно. Черт! Значит, и второй еще жив, переломанные кости и позвоночник ему помехой не станут, скоро очухается. А вот третий, со снесенным черепом, явно издох. О чем это говорит? Голова – их слабое место! Надеюсь, во всех смыслах...

Прыгнул раненый зверь все же несколько неуклюже, и я не преминул этим воспользоваться, сумев поймать торчащую из груди рукоятку топора. Пользуясь ею как рычагом, перевернул волка в полете, уронил на спину и, навалившись на топор, прижал тварь к земле. Теперь достать клыками он меня не мог, а когтей на мелькающих в воздухе лапах, я не опасался – это все же волк, пусть и необычный, а не тигр, и даже не рысь. Поцарапать, конечно, сможет, да и только...

Приземлившись коленом волку на брюхо и продолжая удерживать его левой рукой, правой я выхватил из ножен на бедре медвежий кинжал. И перехватив здоровенный клинок обратным хватом, сильным ударом вогнал его прямо в разъявленную пасть. С таким расчетом, чтобы, пробив небо, он погрузился в мозг. Суматошные рывки и злобный рык пытающегося освободиться из-под меня монстра сразу преврати-

лись в хрип и предсмертные конвульсии. Но порадоваться этому я не успел, спиной почувствовав новую опасность...

Выдернув из головы поверженного врага кинжал, я моментально откатился в сторону. Надо сказать, очень вовремя – прямо на подергивающуюся тушу, клацнув челюстями, приземлился последний, оправившийся от повреждений, вервольф. В том, что на меня напали именно волколаки, сомнений практически не осталось – ну не бывает таких живучих волков. Да и избыток серебра в амуниции неизвестного охотника настойчиво подталкивал к подобным мыслям. А я вот ничего серебряного оттуда прихватить не догадался, кроме браслета, но не им же оборотням по головам лупить.

На счастье, с умишком у волколаков оказалось негусто или, понадеявшись на свою неуязвимость, они, несмотря ни на что, сочли меня не слишком серьезным противником. Навалившись вдвоем, да с разных сторон, они бы разделали меня под орех. А так... получилось, что атаковали с наскока и по отдельности.

Между тем, волколак прыгнул опять. Лежа на земле, я принял его на колено и выставленный вверх нож, глубоко вспоров оборотню бок, а затем, наподдав ногой, перебросил через себя. И тут же метнулся вслед сам, намериваясь навалиться на него сверху и добить ударом в голову, а если потребуется, то и погромсать на куски. Однако правки почему-то не потребовалось, волчина явно отдавал концы. Некоторое время сучил лапами и подергивался, а потом затих...

Хоть он и выглядел стопроцентным трупом, но наученный предыдущим негативным опытом, недоверчиво косясь на тело оборотня, я сходил к предыдущему зверю и выдрал из него топор. А потом проломил им голову уже этому гаду – так оно надежнее будет...

Только после этого я уселся на землю, расслаблено привалился спиной к дереву, и подрагивающей рукой закурил. Что-то меня малость потряхивало. От отходняка, да и от страха запоздалого – ведь запросто могли порвать! Странно, конечно – то эти зверюги помирать ни в какую не желали, ни от пули, ни от топора, а то вот последний от удара ножом копыта откинул. Хотя... Обтерев окровавленное лезвие об мох, я всмотрелся в клинок. Я ведь еще раньше заметил, да особого значения не придал – насечка по клинку серебряная, да руны эти еще... Я их сначала просто за украшение принимал, а оно может и не так вовсе... Вот, наверное, и разгадка – видать, не по душе оборотням пришлось это оружие. Надо запомнить на будущее, если в другой раз доведется пересечься с ними на узенькой дорожке. На фоне переноса в другой мир, сам факт существования оборотней меня особенно и не удивил – перегорел, наверное. Или я просто эмоциональный чурбан...

Пожалуй, стоит заняться раной, а то недолго и кровью истечь, вон уже вся штанина красная. Нет, ну не сволочи ли! Как мне теперь штаны в божеский вид приводить? Других-то у меня нет. По правде говоря, для такой заварухи я просто

необычайно легко отделался. А уж каким чудом руки от волчьих зубов уберег... Неожиданно накатило головокружение и слабость, я кряхтя поднялся и направился к рюкзаку за лекарствами и перевязочным материалом.

С трупам волков что-то происходило, и я даже догадывался что... В лунном свете разглядеть подробности было сложно, но подходить любопытствовать я не стал – рана сейчас важнее. И устроившись на лежанке из лапника, занялся самолечением.

Рана на бедре выглядела паршиво – рваная, глубокая и неровная. Кусок мяса почти выдран и болтается на соплях. Но ничего важного, похоже, не затронуто, иначе, даже, несмотря на мощный выброс адреналина, так бодро скакать я бы не смог. Расшевелив костер я приступил к неприятной процедуре. Жаль, что фонарик сдох, было бы проще, но тут уж ничего не поделаешь, придется в неровном свете костра себя латать и штопать.

Прежде всего, промыл рану перекисью и в ней же продезинфицировал иглку с ниткой. Затем закинулся парой таблеток обезболивающего и. выждав несколько минут, пока лекарство подействует, приступил к штопке. Раньше зашивать на себе раны мне не доводилось, но как это делается, я знал. Вот тут-то я сильно пожалел, что не брал с собой, настоящую медицинскую иглу и особенно нормального анальгетика, а к компоновке аптечки отнесся довольно безответственно. В общем, швы накладывал с шипением и зубовным скрежетом,

а выступавшую кровь смывал, щедро сдобренной марганцовой водой из фляги. Под занавес наложил марлевый тампон и перевязался. Ну, вот рану заштопал, а штанами можно будет и потом заняться... Операция вымотала у меня все силы, поэтому, проглотив две таблетки антибиотика и жадно выхлебав остатки чая, я повалился на лежанку и тут же уснул.

Утро ничего хорошего не принесло, состояние было препаршивое, к тому же меня мучил сушняк и колотил дикий озноб. Никак, несмотря на предпринятые меры, воспаление началось. С трудом заставив себя подняться, я доковылял до воды и набрал котелок под чай. А по дороге, без особого удивления, обратил внимание на валяющиеся неподалеку трупы голых людей с изуродованными головами. Вот они какие волки оказались... Других повреждений на телах я не заметил – ничего себе регенерация, мне бы так! Все трое покойников были крепкими поджарыми мужчинами, длинноволосыми и заросшими бородами. Первоначальный цвет волос и бород из-за крови и грязи определить было затруднительно, как и настоящий цвет кожи. К тому же, сейчас на все на это мне было глубоко плевать – как бы самому не окочуриться. Может, потом внимательней осмотрю...

Раздув угли и подбросив к ним дровишек, я подвесил над огнем котелок и стал дожидаться, пока закипит вода. Есть совершенно не хотелось, но организм изнывал от желания хлебнуть горячего сладкого чаю. После чая я заставил себя проглотить бутерброд с салом, заел это дело антибиотиком

и опять провалился в полусон-полубеспамятство.

Первое, что я увидел, очнувшись в следующий раз – это стоящего метрах в пяти от потухшего костра человека! Высокого, широкоплечего старика, одетого в костюм, напоминающий помесь одеяния американского траппера и запорожского казака. Под стать одежде было и оружие – длинное, старинное ружье, пара заткнутых за пояс пистолетов, кинжал и кривая сабля. Ну просто Тарас Бульба и Соколиный Глаз в одном флаконе.

Как-то рыпаться я не стал – если бы он хотел сделать что-то нехорошее, давно бы уже сделал, пока я в отключке валялся. Да и агрессией от него не тянуло, старик просто стоял и спокойно на меня смотрел. Сделав приглашающий жест рукой, я сел на лежанке и занялся костром, а незнакомец подошел и устроился напротив меня на бревне. Вообще-то со стариком я погорячился – просто пожилой, лет пятидесяти-шестидесяти... а может и меньше, мужчина, судя по прямой осанке и легкой походке очень даже бодрый, а старили его, обветренное лицо, совершенно седые волосы и борода. Некоторое время мы оба молчали, и изучающе друг друга рассматривали, а первым начал разговор неожиданный гость.

– Ну здравствуй, чужеземец. Как же это тебя сюда занесло? Да без нужных ВЕЩЕЙ, – как мне показалось, с иронией, выделив интонацией последнее слово, промолвил он.

– И ты здравствуй. Сдается, тебе об этом больше моего

известно. Может, ты и поведает? – не остался в долгу я.

С первых его слов стало понятно, что передо мной если и не виновник всего случившегося, то уж точно причастное к моим злоключениям лицо.

– Может, и поведаю... но для начала давай знакомиться. Святополк Олегович, князь Ильменский, – вполне дружелюбно представился он.

– Игорь Андреевич Брасов, – в свою очередь официально отрекомендовался я, и не удержавшись, добавил: – не князь.

Мы не вставая кивнули друг другу. Обстановка как-то не располагала к вскакиванию и расшаркиванию по всем правилам этикета.

– Ну, может, еще станешь, какие твои годы, – в ответ на мою реплику ухмыльнулся Святополк. – На, хлебни – глядишь, полегчает, – протянул он мне баклагу с каким-то напитком.

Ломаться я не стал и охотно отпилпряно пахнущего настоя, тем более что жажда мучила опять. Что уж там было намешано, не знаю, но мне сразу стало гораздо лучше.

– Что ж ты браслет сразу не надел. Да еще и гулять отправился. Примерил бы сразу, как такое желание появилось, все наследство при тебе бы и осталось. А там ох как много полезных вещей было. Да просто необходимых, по правде сказать. А теперь даже и не знаю, чем тебе помочь...

Речь князя звучала необычно, напоминая смесь украинского, белорусского и еще какого-то говора – сербского что

ли... но вполне понятно. Непривычные выражения я автоматически заменял в голове близкими по смыслу русскими, как это бывает, когда разговариваешь с представителем братского народа. А о смысле совсем уж незнакомых слов догадывался по контексту, да и они, в общей массе, были интуитивно понятны. Потом я заметил, что с каждой минутой понимаю собеседника все лучше и лучше.

Святополк, при общении со мной, особых затруднений, видимо, тоже не испытывал.

В ответ на его реплику я только пожал плечами, ну не рассказывать же, что терпеть не могу любые украшения и, воспринимая браслет как подобную цацку, всячески противился желанию его нацепить. Вместо этого я задал самый насущный в моем положении вопрос:

– Скажи, это действительно другой мир?

– Ну, для кого другой, а для кого и нет, – опять ухмыльнулся князь. – Только это еще не настоящий мир – граница это, приходящая, если хочешь. А ко всему, и для нечисти пристанище. И обычному человеку сюда ходу нет.

– А я что, необычный, что ли? – вырвалось у меня.

– Раз сумел сундук увидеть и добро из него взять, значит, необычный, – пояснил Святополк.

– Обратно-то я вернуться смогу?

– Были бы с тобой нужные вещи, со временем смог бы, а теперь и не знаю... как бы тебе вообще здесь не застрять. А попробуешь к нам без оберегов дорогу найти, леший завер-

тит. Тут его владения. И я тебя вывести не могу, иначе или сам здесь останусь, или оба пропадем: оберег – он для каждого человека свой. Тебя вот твои нашли, да ты их потерять умудрился.

– А если это снять? – Я продемонстрировал князю браслет.

– Если сумеешь... – с сомнением протянул он, – может, обратно и выкинет... Но я бы не советовал. Таким же станешь, – Святополк кивнул на трупы оборотней. – Тебя ведь покусали? – Он глазами указал мне на ногу. – А браслет, он кроме прочего, обернуться не даст.

– И кому же я обязан этим украшением?

– Да другу моему обязан, Всеславу, – охотно отвечал князь. – Пришло ему время ведовскую силу наследникам передать, вот и оставил он дар для достойного. А меня, буде таковой найдется, встретить, к людям вывести да помочь на первых порах просил. Видать, ты подходящим оказался, только вот правильно воспользоваться подарком не сумел...

– Выходит, и ты, и благодетель мой – колдуны?

– Колдуны, ведьмаки, ведуны, волхвы... Нас как только не называют, – кивнул Святополк. – Да и ты теперь тоже колдун, только плохенький. Можно сказать, совсем никакой. А вообще-то, колдун неправильное название, мы не чародейство творим, а ведаем – то, что другим людям недоступно. В общем, сам потом поймешь... коли доживешь, конечно. Хотя, если трех волколаков одолел, ничего о них не зная, без

оберегов и правильного оружия, думаю, выживешь – такое не каждому по силам.

Разговаривали мы с князем-колдуном долго. Много интересного я узнал... А прежде всего, что попал капитально! И застрял даже не в другом мире, а его предбаннике, где людей отродясь не водилось, а обитала всякая дрянь. Типа недоброй памяти вервольфов и прочих, ненамного более симпатичных, персонажей.

Края эти простирались где-то на день конного пути, точнее князь сказать затруднялся. А попытайся я выбраться, меня просто завернет обратно. И заслугой тому отсутствие у меня колдовских амулетов. Кстати, причина невозможности вернуться назад тоже в них. Обереги, талисманы и амулеты со временем должны были настроить на меня браслет и научить им пользоваться. Плюс к этому помочь раскрыться завещанному колдуном ведовскому дару, в тот же браслет и вложенному.

Сам по себе браслет являлся мощным артефактом, помимо многих замечательных свойств, дающим его обладателю возможность перемещаться между мирами. Вот только без грамотного управления стоил недорого. А на перенос подходящего объекта сюда был изначально запрограммирован. У князя, кстати, браслета не имелось. Соответственно, и посещать сопредельный мир он не мог, а знал о нем по рассказам своего доброго знакомого Всеслава. Тоже князя и, естественно, колдуна, от которого мне и достались: ценное иму-

щество, ведовской дар и большие неприятности!

Насколько я понял, по наследству способности к ведовству передавались не всегда. И тогда колдуну приходилось искать приеемника на стороне, а то, как, например, в моем случае, и другом мире. Только передав начавшую тяготить его силу, колдун мог перейти в иное качество – стать волхвом. В общем, шагнуть на следующую ступень, высшую в колдовской иерархии. Остальные две ступеньки занимали ведуны и ведьмаки. А вот о том, где волхвы обитают, чем, собственно, занимаются и какими силами владеют, Святополку было неизвестно. В негласной табели о рангах колдовского братства он пока числился ведуном – гораздо выше, чем ведьмак, но и до волхва далеко.

Упоминал Святополк и о мире, на пороге которого я очутился, но как-то вскользь, да и я на этом внимания заострять не стал. Если вкратце, то государство, на территории которого я находился или, вернее, где окажусь, если отсюда выберусь, называлось Русское Царство или Русь, и являлось феодальной монархией. А по уровню технологического развития Русь застыла где-то на уровне начала нашего девятнадцатого века. Что-то в этом роде... Если честно, сейчас меня больше интересовали проблемы сиюминутного выживания и информация, относящаяся непосредственно к этому вопросу. А времени на ее получение было очень мало – не имея браслета, князь мог находиться здесь не слишком долго. А если этим пренебречь, тоже рисковал застрять тут навсегда.

Вообще-то, много о чем мы с князем говорили... Например, Святополк провел со мной беседу о последних достижениях ведовской науки в целом. И о методиках защиты от нечисти в частности. Заставил выучить пару заговоров и показал, как делать примитивные обереги. Мои познания в этом отношении стремились к нулю или были почерпнуты из фантастики. К тому же, он снабдил меня необходимым инвентарем... по минимуму. Матерый колдуннице большого количества магических приспособ и ингредиентов с собой не таскал, ему они без надобности были. Да и не было там, если честно, ничего магического. Одним словом, получился у нас краткий курс начинающего колдуна... очень краткий! По типу – как стать магом и волшебником за пару часов! В конце концов поинтересовавшись, почему он со мной так возится, я получил от князя ответ – он не только выполнял волю своего друга, но и следовал обычаям колдовского братства.

Черт! Ну почему у меня все не как у людей? Гуру и тот всего несколько часов смог уделить.

Интересно, но после лекции князя у меня сложилось стойкое ощущение, что именно волшебством и чародейством в умениях ведунов действительно не пахнет. И настоящими, в полном смысле этого слова, чародеями ведунов не назвать. Все было гораздо проще... и одновременно сложнее. Ведовством могли заниматься люди, имеющие некоторые необычные способности, ну как мои чувства направления и опасно-

сти, к примеру. А ведовской дар – это просто искра, которая запускает процесс, к слову не быстрый, их дальнейшего развития, задействуя ранее не используемые зоны мозга. Вероятно, результатом этого процесса становилось и частичное включение наследственной памяти. Ведуны действительно умели то, что обычному человеку было недоступно, и обладали знаниями, которые люди утратили в процессе эволюции. Кроме этого они могли чувствовать суть вещей, и соответственно их использовать. Не бездумно читать заговор или обкладываться амулетами, а приспосабливать к своим нуждам то, что требуется в конкретной ситуации. Но тут скрывался и некий минус – ведовская сила служила только владельцу и посторонним могла помочь только опосредованно. Например, ведун, прекрасно знал, каких травок ему нужно пожевать в том или ином случае, но вот прописать их другому было уже сложнее. Так же и изготовить для постороннего человека действительно сильный амулет ведуну было не под силу. Составление же различных зелий было доступно многим, и этому можно было обучить, но в случае с ведунами такая практика выглядела более осмысленно. Ну и последнее – передать свой дар, вернее его частицу, можно было только человеку со схожими способностями. Оттого и специализировались ведуны в различных областях.

К слову, настоящие волшебники и чародеи в этом мире существовали, да и волхвы, судя по всему, входили в их число, но об этом мы говорили мало. А уж проявления магии я

имел удовольствие наблюдать на примере вервольфов.

Беседа затянулась почти до вечера, а попутно мы пообедали запеченным в углях глухарем. Припасы, что были у князя с собой, он оставил мне: мясной пирог, вяленое мясо и сыр – то, что брал в дорогу перекусить. Больше меня порадовал приличный комок соли. Оставил он и баклагу с живительным напитком. А кроме того, несколько зелий и лечебных снадобий, предварительно объяснив, как ими пользоваться. И на этом стал собираться в обратный путь.

Напоследок князь снял с плеча кожаную сумку, достал оттуда лист бумаги и письменные принадлежности. Что-то быстро чиркнув на листе и оттиснув штемпель перстнем-печаткой, он сложил все обратно и протянул сумку мне.

– Возьми, изучишь на досуге. Здесь кое-какие записи Все-слава и грамотка тебе на всякий случай.

– Спасибо, ознакомлюсь, – ответил я.

– Ну, прощевай, ведьмак, – поднимаясь, усмехнулся князь. – Извини, оружия оставить не могу – самому еще выбираться. И задерживаться мне не след, до ночи обернуться надо. Да, вот еще, – спохватился князь, – надеюсь, догада-ешься, как с толком распорядиться, – он снял с пояса и вло-жил мне в руку увесистый кошель. – Может, свидимся еще, подумаю, как тебя выручать, а жив буду, навещу. Но скоро не жди – государева служба. Ну, а коли смилуются боги, и в Словенске будешь, тоже не забывай.

Князь-колдун залиvisto, по-разбойничьи, свистнул, и

буквально через несколько секунд до меня донесся чуть приглушенный мхом конский топот. На прогалину галопом вынесся вороной жеребец и застыл возле хозяина. Ласково потрепав его по холке, князь, не касаясь стремян, лихо взлетел в седло, отсалютовал мне зажатым в руке ружьем и был таков...

Нет, все же князь хоть и легок в общении, но голубая кровь и белая кость сказываются. Сдается, у него еще много полезного по выюкам завалилось, но вот покопаться в них и оставить что-то из этого мне, да хоть ту же попону, ему и в голову не пришло. А я просить не стал – для постороннего человека он и так сделал немало... Думаю, у него и конь для меня был, но остался где-то неподалеку привязанный. Тоже ведь не оставил. Но это, наверное, правильно – сожрут здесь коняшку.

Проводив Святополка взглядом, я достал из сумки заполненный им лист и, с трудом продираясь через жуткую помесь кириллицы с глаголицей, внимательно изучил. Хорошо хоть не чертами и резами писано! Лист оказался чем-то вроде дворянской грамоты на имя Сына боярского Игоря Брасова, которое туда вписал князь. Ну вот, документом я уже обзавелся, только кому его здесь предъявить? Не лешему же...

Визит Святополка дал ответы на многие мои вопросы, но еще больше их появилось. Ну, не верю я, что ведуну просто вдруг приспичило передать свою силу. Практически на кого бог пошлет. Плюс к этому, организовать это дело в дру-

гом мире. Что-то тут нечисто... Но кидать князю какие-то предявы, и добиваться полной ясности во всем, сейчас было несподручно. Не в том я положении. Подождем...

Тяжко вздохнув, я оттащил подальше в лес трупы оборотней и принялся готовиться ко второй в этом мире ночи, используя указания ведуна. Пробуждающейся колдовской силы я в себе не чувствовал, поэтому тупо следовал рекомендациям. А готовиться надо было всерьез, поскольку возможности появления новых незваных гостей никто не отменял, и вероятность такого события была весьма велика.

Глава 4

Вопреки опасениям ночь прошла спокойно. Несколько раз я с тревожным ощущением просыпался и хватался за ружьё, но ничего не происходило, и, подправив нодью, я укладывался опять. Возможно, благодарить за это стоило выстроенный с вечера защитный контур, но до конца я ведовским штучкам пока не верил – уж больно все просто... Я всего лишь окружил лагерь выданной князем бечевой с вплетёнными в нее клочками шерсти, перьями, зубами и еще черт знает чем, да прочитал заговор. Чем-то мне это патагонские примочки напомнило – от змей и ядовитых насекомых, гаучо окружают бивуак лохматой веревкой, через которую те не могут перебраться, и спят себе спокойно. Я спал беспокойно, но без эксцессов.

Патроны я переснарядил. Вытащил пули, вытряхнул картечь и дробь, а на их место засыпал порубленные на куски серебряные монеты из оставленного князем кошелька. Но там еще много осталось, да и золотишко позвякивало. Сверху залил патроны парафином от свечи, чтобы заряд не высыпался, и посчитал себя готовым к встрече с оборотнями и прочей нечистью. Но сегодня, к счастью, обошлось... Драгоценный боеприпас я решил оставить на крайний случай, а для охоты придумать что-то еще...

Утро нового дня оказалось ясным, но холодным – октябрь

на носу. Рана на ноге меня беспокоила не сильно – похоже, помогли ведовские зелья, да и чувствовал я себя вполне прилично. Поэтому, не откладывая в долгий ящик, решил заняться постройкой капитального жилища – «Мой дом, моя крепость!», да и зима скоро. Раз уж застрял тут, надо готовиться. Припасы пока есть, а при нужде добыть еще, думаю, проблемы не составит – при местном-то обилии дичи. Да и рыбка в озере должна быть. Значит, сначала дом!

Зимовье я решил строить на месте, где в моем мире стоял дом в Одрино – а что, место удачное. Если малость открытое и на пригорке, то это от нехороших людей надо в чаще хорониться, а со зверьем и нечистью совсем даже наоборот. Ну а тут людей нет: ни плохих, ни хороших – никаких...

Строить на века я тоже не собирался, поэтому решил обойтись без фундамента – если потом приспичит, отгрохав себе хоромы, благо умею, а пока не стоит. Делаем просто и без изысков. С этой мыслью взяв топор, я и отправился в лес.

Материалом для избушки после некоторых раздумий выбрал ель. Поначалу думал класть сруб сразу из неокоренных бревен, но потом свою точку зрения пересмотрел – не фиг короедов и прочую живность плодить, да и сама кора потом на крышу сгодится. Крыть жилище дерном или тесом не хотелось – в первом случае сыровато будет, а со вторым возни много.

Присмотрев себе делянку в ельнике, я взялся за работу. Смахнув первую елку, сразу взялся за следующую и так да-

лее... Выбирая стволы сантиметров двадцать в диаметре. Потом обрублю сучья, разделаю на бревна и буду перетаскивать. До темноты, надеюсь, управлюсь... Так и вышло. Перетаскав получившиеся бревна к месту будущей стройки, я плотно поужинал и, проверив защитный контур, стал готовиться ко сну. Потянулись трудовые будни...

Ни этой ночью, ни в последующие меня особо никто не беспокоил, хотя среди обычных ночных шорохов и шумов выделялись такие, которые я не смог опознать. Вскрикивали ночные птицы, были волки... или оборотни, кто их тут разберет? Но это дело знакомое. А вот от некоторых звуков буквально стыла кровь, создавалось ощущение, что они в инфразвук переходят, действуя непосредственно на организм. Другие шумы, напротив, вызывали неприятные ощущения своими высокими тонами, аж передергивало – как железом по стеклу провели. Нечисть, что ли, шалит...

Приходили и кабаны, но ко мне не совались, и тратить на пятачков серебряную картечь я не стал. В остальном все было тихо и мирно. Может, оборотни мне проверку на вшивость устраивали, но получили по соплям, а все остальные сделали нужные выводы... Не знаю... Но если так, то оно и к лучшему.

Избушку я рубил «в охряпку»³⁶ – это самый простой способ, перекладывая каждый новый венец мхом для гидро и теплоизоляции. Ставить зимовье не слишком долго, если

³⁶ «В охряпку» – Один из способов постановки сруба.

умеючи, так что к вечеру третьего дня сруб уже стоял³⁷. Дело было за крышей и отделочными работами. Домик получался небольшой, где-то два на три метра в поперечнике и около двух метров в высоту – только чтобы головой о потолок не чиркать. А небольшое жилище и протопить легче.

В промежутках между работой, я покидал на озерце блесну, вытащив несколько вполне приличных щучек, так что на поиски еды в лесу мог пока не отвлекаться. А вечерами занимался бытовыми мелочами. Например, наделал берестяной утвари – ведро там, посуду и прочее... Это достаточно просто – складываешь из бересты коробочку и прошиваешь углы еловыми корешками. Или просто веточкой защемляешь. Существуют и другие варианты, тоже не сложные – труднее найти и содрать подходящий кусок коры...

Пол и потолок я выстелил жердями, и наступила очередь крыши. Возведя стопила и положив конек, я покрыл скаты опять же жердиной, а уже по ней еловым корьем, тщательно замазывая дырки от сучков смолой. Дом был почти готов.

Небольшое оконце я затянул взятым в оклад полиэтиленом от мешков, затем сделал ставень. С ним, как и с дверью пришлось повозиться, сбивая их без гвоздей из обтесанных с двух сторон стволиков, заодно сколотил небольшой столик и нары. Оставалось самое сложное – печь!

Класть печку из речных камней я не рискнул: они от нагрева не только рассыпаться, но и рвануть могут – в микро-

³⁷ Охотничье зимовье действительно ставят в три дня.

трещинах и порах вода остается. А других мне тут не найти. Значит, надо ограничиться одной глиной. Подходящий пласт выходил как раз на берегу речушки, совсем недалеко. Песка, уже в самой глине было достаточно, нужной пропорции я все равно не знал, поэтому решил что и так сойдет... Натаскав потребное количество материала, я принялся лепить, вернее, как обычно говорят – сбивать печурку. Печник из меня не слишком хороший, но худо-бедно справился, конусовидная печка получилась хоть и корявой, но основательной, и больше всего напоминала собой термитник. А если конструкция треснет, той же глиной и замажу, главное чтоб совсем не развалилась и тягу нормальную давала. Вот немного подсохнет, и можно будет испытывать. Больше всего проблем доставила труба, но я и тут как-то выкрутился – приспособив под это дело выдолбленный и обмазанный глиной ствол. Пока возился с глиной, вылепил и некоторое количество посуды, если малость и кривоватой, зато прочной и толстостенной – будем надеяться, обжиг выдержит. Ну и еще кое-что сделал...

Наконец избушка была закончена – можно переселяться, вот только строительный мусор вынести. На всю стройку ушла почти неделя – один день я заготавливал лес, два дня возводил сруб, еще два возился с крышей и всем остальным. Плюс целого дня потребовала печка. За это время у меня полностью закончились продовольственные припасы, значит завтра, кровь из носу, надо подаваться на промысел,

иначе оголодаю. Зато пока занимался стройкой, несмотря на нагрузки, практически полностью зажила рана на ноге, наконец, надо сказать спасибо ведовским зельям.

Перетащив в зимовье свое невеликое имущество, и блаженно развалившись на нарах, я, с чувством выполненного долга, закурил последнюю сигарету, пуская дым в потолок. Как ни экономил курево, закончилось и оно – придется бросать.

На столе в глиняной плошке, создавая уют, горела моя последняя и единственная свеча, и я лениво размышлял, что с освещением надо будет что-то делать – потому как к лучинам не привык. От этих мыслей меня отвлекло какое-то шепеление за печкой. Вот зараза! Не успел жилище построить, как уже мыши завелись. Неохотно поднявшись с нарах, я вооружился веником и отправился изгонять вездесущих грызунов. Однако баталии с вредителями не получилось... по причине их фактического отсутствия.

Вместо мыши за печкой сидело непонятное, чрезвычайно мохнатое существо размером с крупную кошку... даже очень крупную, если подумать, и таранилось на меня огромными глазами. Этаким северный лемур. Опустив веник, я замер, разглядывая тварюшку. На мордочке выделялись только огромные глаза и черная пуговица носа, а очертания тела с трудом просматривались сквозь густой мех. Передние лапки животинки можно было назвать и ручками – пальчики почти как у приматов, правда украшены нехилыми коготками. Ин-

тересно, как и когда она сюда просочиться успела?

– Ну, здравствуй, неведома зверушка, – пробормотал я.

– Здравствуй, хозяин, – неожиданно и несколько невнятно, но вполне членораздельно отозвалось существо.

Мать!.. моя женщина – а оно, оказывается, говорящее!

– Ты кто такой? – ошарашено спросил я. Магия магией, но в живую повстречать говорящую помесь кошки, чебурашки и еще чего-то мохнатого – это кого угодно из колеи выбьет.

– Когорша я, – гордо представилось существо, но имя это или название вида, я не понял.

– А здесь что делаешь? – на автомате продолжал спрашивать я.

– За порядком следить пришел, – сверкнув остренькими зубками в немаленькой пасти, отозвался пришелец.

– В смысле надзирать, что ли? Чтобы безобразий не нарушали? – немного оправившись от изумления, попытался пошутить я, но гость юмора не уловил и серьезно пояснил:

– По хозяйству помогать буду!

– А-аа... это другое дело. Ну, так и помогай, – окончательно взяв себя в руки, усмехнулся я, уже понимая, что передо мной некая разновидность домового. Появился дом и он уже тут как тут – надо думать, в этих местах с жилыми строениями проблема, как бы ко мне очередь не образовалась...

– Сначала покормить надобно, хозяин, – солидно отвечал новоявленный работник. – Чтобы все честь по чести...

Вот ведь помощничек на мою голову. Как же, помним – «напои, накорми и спать уложи» да кажется, еще и в баньке попарь – или это из другой оперы?

– Что же тебе дать-то?.. – потянувшись за скромными остатками провизии, задумчиво протянул я.

– Людское что-нибудь, – счел нужным вмешаться Когорша.

Ага, что-то я такое припоминаю... Вроде домовых принято подкармливать домашней пищей, чем-то таким, чего они не могут раздобыть себе сами – это для них лучшее лакомство. Обычно им хлеб и молоко оставляют – как ежику, блин... Но ни того, ни другого у меня нет. Будем посмотреть, что подойдет...

Разводить прищельцу бульонных кубиков я все же не рискнул – загнется еще с непривычки. А пошарив по сушкам, отдал ему остатки подсохшего сыра. Кстати, кусман остался немалый, что мохнатого вполне устроило. Я бы даже сказал – чуть ли не в экстаз привело. Во всяком случае, трескал он сыр жадно, с довольным урчанием и подмел все до последней крошки. Я так понимаю, скрепляя этим рабочий подряд вместо подписи и печати.

Подождав, пока домовый насытится, я все же решил уточнить:

– А зовут-то тебя как – Когорша или другое имя есть?

Как выяснилось, имя есть, но произнести его я при всем желании не мог. Так что и остался домовый Когоршей.

Домовой оказался существом вполне разумным, хотя и малость дремучим – так что иногда я его понимал через слово. Да и он меня, думаю, тоже. Однако общий язык мы нашли. Завалившись обратно на нары, я предоставил новому жильцу и сотруднику все обширное поле деятельности. Прекрасно осознавая, что домовые с точки зрения церкви – это тоже нечисть, никакой угрозы я не чувствовал. Ну так я мнения посредников от религии не разделяю. Пускай стаду своему втюхивают.

Из дел на сегодня у меня осталось только возведение охранного периметра вокруг дома. Вот сейчас выложу, а потом на боковую...

Весь следующий день я собирался провести на охоте. Так что, проснувшись, умывшись и почистив зубки смесью древесного угля и мяты, я слегонца перекусил «змеиным» супчиком, и приступил к сборам. Когорше, к моему удивлению, супчик тоже пришелся по вкусу. Ну, раз так, в следующий раз рискну его бульонным кубиком накормить.

Ружье я с собой брал, но стрелять из него не собирался – если только в крайнем случае. Значит, надо придумать, с чем охотиться-то буду. Выбор, честно говоря, невелик. Отхватив ножом кусок стропы, я завязал на ней несколько хитрых узлов, так, чтоб в центре будущей пращи оказалось расширение под метательный снаряд. На одном конце стропы сделал петлю, чтобы накидывать на кисть, а на другом затянул узел – так удобней выпускать его из руки при броске. Вот праща

и готова.

Подходящих для метания камней в ближайшей речушке было не слишком много, поэтому я загодя, пока возился с печкой и лепил посуду, скатал и обжег в костре несколько десятков глиняных шаров. Часть из них после обжига рассыпалась, но оставшихся мне вполне хватало. Сложив боезапас в рюкзачок, я, поколдовав с лямками пристроил его на бок на манер сумки, и оставив домового на хозяйстве, выдвинулся в лес.

Последний раз пращей я пользовался в армии. Пару раз всего. А до этого только в детстве. Должный навык хоть и остался, что я проверил, швырнув несколько камней по стоявшей невдалеке сосне, но оставлял желать лучшего. Да и вообще, обращаться с пращей очень не просто – из метательного оружия она, наверное, самая примитивная в изготовлении, но самая сложная в употреблении. Поэтому, оставляя без внимания во множестве попадающихся по дороге непуганых тетеревов и рябчиков, я выискивал мишень покрупнее – хотя бы глухаря. А вообще-то раз дичь тут такая наглая, надо будет попробовать подбить ее, просто кидая камнями рукой. Раньше я бросал снежки и камни по окнам очень неплохо – прямо скажем, мастерски бросал. Недовольных... то есть довольных, не было! А позже и гранату мог закинуть очень удачно – так чтобы недовольных... да любых, вообще не осталось.

Первую жертву я обнаружил довольно скоро – подняв-

шись у меня практически из-под ног, глухарь нахально уселся на ветку росшего буквально в нескольких метрах дерева и, чувствуя себя в полной безопасности, принялся заинтересованно поглядывать вниз.

Свистнула праща...первый снаряд ушел правее и выше. Еще несколько бросков прошли с тем же результатом. Кося то одним, то другим глазом, глухарь с любопытством наблюдал за моими манипуляциями. Наконец, очередной снаряд разбился о ствол рядом с глухарем, обдав его глиняной крошкой, птица с недовольным квохтаньем поднялась и ... пересела на другое дерево – улетать от такого интересного представления она явно не собиралась. Такой наглости я снести не мог.

К следующему выстрелу я готовился тщательней. И уже раскручивая пращу, понял – не промахнусь. Не ошибся: глухаря просто снесло с ветки и отбросило метров на десять, превратив в комок перьев – интересно у него целые кости-то остались?

Вскоре за первым глухарем последовал второй, а там и третий... Последний, правда, оказался не чистокровным глухарем, а межняком – то есть помесью с тетеревом, что меня не слишком расстроило, поскольку размерами и весом он обычному глухарю почти не уступал. Обращаться с пращей я постепенно наловчился и промахов делал меньше, а непуганые птицы улетали только если снаряд проходил совсем уж близко или задевал ближайшие ветви. С такой добычей

можно было и домой поворачивать. Ну, я и повернул... хотя шлялся по лесу меньше двух часов.

Зверья в лесу было действительно немеряно: о пернатой дичи я уж и не говорю, но и земля пестрила разнообразными следами как копытных, так и хищников. Из последних мне попались волчьи, рысьи и медвежьи следы – это если только крупных перечислять... А вот некоторые отпечатки я вообще затруднялся идентифицировать, если, конечно, здесь не водятся леопарды ...

За время прогулки я успел спугнуть косулю и видел маленькое стадо зубров – из четырех голов. Нет, надо чем-то серьезным из оружия озадачиваться – с пращей против них не попрешь, а ружье у меня теперь для других целей. Пока остается только глотать обильную слюну... Вот косулю завалить мог бы, но она слишком быстро скрылась в зарослях. Кстати, какой-то нечисти мне не встретилось, к счастью... но надо думать, она тут не табунами ходит и, скорее всего, предпочитает ночное время.

До дома оставалось рукой подать – с полкилометра, когда судьба столкнула меня с лосем. Вот буквально нос к носу повстречались – и он меня проморгал, и я неподвижно стоящего зверя проворонил. В это время у сохатых гон, по лесу далеко разносятся лосиные стоны, а самцы бродят совершенно ополоумевшие. Да и самки опасны... И в обычное-то время лось – серьезный противник, даже старинная поговорка существует: «На медведя идешь – соломки бери, на сохатого

идешь – гроб тащи», – что уж тут про брачный сезон говорить... В общем, ничего хорошего эта встреча мне не сулила. Даже с медведем есть возможность побороться и побарахтаться, в результате уделав его ножом, а вот с лосем такой номер не пройдет – если не рогами забодает, то копытами прибьет или зубами достанет. Надо понимать, когда стоит принимать бой, а когда правильнее будет достойно отступить. Короче, бодаться я с ним не стал, а исходя из соображений безопасности, резко развернулся на месте и бросился наутек. Кляня себя последними словами за то, что сгоряча переснарядил все патроны рубленным серебром. Если пальнуть, лосю, конечно, мало не покажется, но и на месте не уложит – меня достать всяко успеет. Видать, нападение оборотней произвело на меня сильное впечатление... и последние мозги отшибло – ну нет бы, хоть пару пуль про запас оставить!

Промедлив пару секунд, зверь рванул за мной. Соревноваться с лосем в беге все равно, что пытаться обогнать автомобиль: он скорость чуть не до 60 км развивает, но такой глупости я делать не собирался. И вместо этого постоянно меняя направление, метался между деревьями, прикрываясь ими от сохатого. Зверюга ломился за мной так, что от деревьев летели щепки, трескали сломанные сучья и подлесок. Такой туше трудно бороться с собственной инерцией – только это пока, и спасало. Намного превосходя в скорости, здоровенный зверь поигрывал мне в проворстве. Однако долго

так продолжаться не могло – даже игра в пятнашки рано или поздно заканчивается сменой водящего. А у нас тут все было серьезней...

Не знаю, получилось так случайно или все-таки лось подловил меня целенаправленно, но в один прекрасный момент я схлопотал рогом в спину и кубарем покатился по земле. К счастью, удар был скользящим, а от копыт меня спасло только то, что я сумел сгруппироваться и катился не абы куда, а опять же под защиту дерева.

Однако нет худа без добра – удар рогом что-то прояснил у меня в голове и дал понять, что тактика уклонов себя исчерпала. Прошмыгнув у свирепствующего животного чуть ли не между ног, я со всей силы рванул в отрыв, выгадывая некоторую фору, пока лось не развернулся.

Отрывался не долго. Приметив подходящее дерево, я подпрыгнул, цепляясь за нижнюю ветку, а затем, выдирая себя наверх, совершил акробатический кульбит, куда там Тарзану. Белкой взлетел по стволу и только тут перевел дух. Все! Здесь ему меня не взять!

Лось тоже понял, что достать меня не светит, и даже не попытался повалить сосну. Но и отступить не захотел, а взял меня в планомерную осаду. То есть просто принялся пастись невдалеке, отрезая любые пути к отступлению. Я в свою очередь, сидя на ветке, форменным образом зверел.

Славное сидение продолжалось примерно час, и за это время я окончательно убедился, что рогатая скотина уходит

никуда не собирается, а так и продолжает околачиваться по округе. Мои злость и раздражение постепенно превратились в холодную ярость – на деревья меня еще никто не загонял. Ну что ж... он сам себе враг! Настала пора действовать...

Вытащив из рюкзака стропу, я завязал на ней скользящую петлю и накинул ее на ветку ближайшей молодой сосенки. Потянув за веревку, я пригнул деревце к себе, и перехватив его рукой, парой ударов топора обрубил верхушку. Затем укоротил ее до нужного размера и принялся очищать от сучков и коры. Ну и плевать, что весь в смоле буду, зато рука не соскользнет. В итоге у меня получилась оструганная двухметровая жердь, сантиметров пяти-шести в диаметре.

Достав из ножен медвежий кинжал, я накрепко примотал его к концу ратовища куском стропы – вот и рогатина готова! Однако этим дело не ограничилось – хаживать на лося с одной рогатиной занятие неблагодарное – мгновенно убить или удержать на копье прущую на тебя тушу бывает что и под тонну весом, совершенно нереально. Но, слава богу, были у меня и другие задумки...

Пристроив между ветвей копье так, чтобы не упало, я разулся и стянул носки – они у меня крепкие и не слишком воюющие. Ну так и с душком сгодились бы. Кстати, со стиркой надо будет что-то придумывать: мыла у меня нет и приходится обходиться золой, а это не лучший вариант. Надо хоть мыльный корень найти, если нормальное мыло сварить, пока руки не доходят. Но разговор не о том...

Достав из рюкзака пару глиняных снарядов, я вложил их внутрь каждого носка, после чего завязал те узлом. Скрепя сердце, отчекрыжил еще кусок стропы, привязал к обоим концам по носочку с начинкой и критически осмотрел получившееся изделие. Не фонтан, конечно, но на один раз сойдет. Неумолимо приближался момент истины! Держа в одной руке доморощенный болас, а в другой самодельную рогатину, я решительно прыгнул на землю...

Для стоящего метрах в двадцати лось этот маневр не остался незамеченным. Набирая скорость, склонив рогатую голову, он ринулся в бой. Я ждал его, раскручивая болас... и выпустил его, когда могучий зверь сократил разделяющее нас расстояние до половины. Прошелестев в воздухе, оружие захлестнуло передние ноги животного. Споткнувшись на полном ходу, лось кувырнулся с копыт и, воткнувшись головой в землю, пару метров пропахал рогами мох. Остановился он практически у моих ног. Терять время я не стал, а, перехватив поудобнее рогатину, подскочил ближе и ударил ошеломленного падением зверя в шею. Служащий наконецником кинжал на конце древка вошел в тело животного на всю глубину. Выдернув тяжелое копье обратно, я тут же отпрыгнул в сторону. С такой раной сохатый уже не жилец, но обидно будет схлопотать от него напоследок рогом или копытом.

Путаясь в обмотавшемся вокруг ног болас и фонтанируя кровью из пробитого горла, лось неуклюже пытался поднять-

ся. Сделать этого я ему не дал, а, снова приблизившись, всадил копье зверю в бок, чуть пониже лопатки. Вскрикнув, гигант завалился обратно на землю – все было кончено...

Немного обождав для порядка, я осторожно приблизился к поверженному зверю, но опасался зря – труп гарантированно, контроль не нужен. Это довольно легко определить – прикидывающееся мертвым и затевающее пакость животное прижимает уши к голове, а у этого они были расправлены лопухами. Ну и еще один момент – подходить всегда нужно со спины, да и добивать так удобнее. «Особенности национальной охоты» смотрели? Так вот сохатый – это не корова: в случае чего костей не соберешь.

Перерезать лося горло и спускать кровь, не требовалось – это сделала рогатина. Теперь надо немного подождать, пока кровь стечет, потом выпотрошу, дам туше немного остыть, и можно будет свежевать. Отдохну, что ли, чуть-чуть, а то хорошая нервная встряска случилась, вымотался весь...

Освежевав и разделав тушу лося на части, я обкорнал пару елочек и, соорудив из них волокушу, занялся многотрудным делом перетаскивания мяса. Хорошо хоть до дома было недалеко. По большому счету такое количество мяса мне было ни к чему – испортится и пропадет. Ну да ничего, что-нибудь придумаю... А вот шкура, сухожилия и требуха мне в скорости понадобятся.

Сделав несколько ходок, я складировал добычу возле избушки и дальнейшую заботу о ней предоставил домовому,

а сам опять отправился в лес. Я не тягловая скотина и за сегодняшний день очень устал, но идти пришлось – настал момент обзавестись серьезным дальнобойным оружием. Откладывать это дело на потом просто нельзя. Лось это сегодня доступно продемонстрировал. Ружье не в счет, оно у меня для других целей заточено, хотя, как показала практика, переснарядить обратно пару-тройку пуль будет не вредно. Жизненно необходимо, я бы сказал...

Для хорошего лука требуется подходящая древесина. В наших условиях это ясень, клен и можжевельник. Но ясень я тут скорее всего не найду, с можжевельником тоже все не просто – отыскать прямой и без сучков ствол большая проблема. Значит, надо сосредоточиться на клене, благо с ним сложностей нет.

Не забираясь далеко в лес, я без проблем отыскал то, что требовалось – кленовую рощицу. Там и вырубил четыре молоденьких деревца – запас не помешает, потом выберу самый лучший.

Придя домой, я ободрал клены от коры, затем с помощью топора и деревянных клинышков аккуратно расщепил каждый стволик на две части, а потом поставил все восемь получившихся заготовок в угол у печки – пускай сохнут. Мне, конечно, столько луков не нужно, но во время сушки дерево может треснуть или его поведет, тем более, что эта процедура будет проводиться ускоренными темпами. По уму, сушить древесину надо долго и качественно, но у меня нарисовался

форс-мажор со временем, и делать все придется по быстро-
му. Так что необходимо иметь некоторый запас материала.

Разобравшись с заготовками для луков, я занялся другими делами. Стоило провести испытания печки: она уже под-
сохла и скоро может понадобится, да и в доме теплее ста-
нет. Загрузив печь дровами, я произвел первую... не знаю,
как и назвать, не плавку же... Короче, растопил и с трево-
гой принялся наблюдать за результатами испытаний... Печ-
ка потихоньку нагревалась, и через некоторое время ожида-
емо треснула, но не критично – просто потом надо будет за-
мазать. Несмотря на трещины, печка совсем не дымила, то
есть делала это исключительно через трубу, и это радовало
– угорать, топить по черному или перекладывать печь мне
совершенно не улыбалось. Успокоенный и умиротворенный,
я вышел из дому, полюбовался дымком из трубы и занялся
приготовлением еды.

Готовить я пока продолжал на улице – летняя кухня, так
сказать... Так что я развел костер и пожарил нам с Когоршей
лосиные печень и сердце. А на вечер закопал в угли, обма-
занного глиной глухаря – пускай потихоньку доходит, к ужи-
ну как раз и поспеет...

Следующие несколько дней прошли в заботах и хлопотах.
Я подремонтировал печь и обжег, наконец, посуду. Часть
сервиза, естественно, оказалась утрачена, но и лепил я с за-
пасом. Теперь у меня появились предметы, отдаленно напо-
минающие горшки, и такая необходимая в хозяйстве штука,

как глиняная сковородка.

Нарезав у реки ивняка, сплел несколько корзин, а потом до кучи и верши. Поставлю их в реку, и будет у нас постоянно рыбка, как добавка в меню. Плести из лозы несложно, но если не знаешь, как это делать, лучше и не браться.

Начал копать погреб, и не палкой-копалкой, а сделанной из лосиных рогов лопаткой, хотя даже до саперной ей было далеко – припасами на зиму я собирался запастись серьезно, и их надо было где-то хранить. Ближе к зиме оборудую и ледник. Пока же оставленное на попечение домового лосиное мясо было аккуратно складировано снаружи возле стены, переложено крапивой, что б не испортилось, и прикрыто лапником. За прошедшее время я убедился, что на когоршу можно положиться, да и домишко сверкал чистотой. Вот готовить я ему поручить не мог, по какому-то выверту природы домовые были напрочь лишены кулинарных способностей. Поэтому готовил глухарей и лосятину я сам. Как выяснилось, в естественных условиях домовые не могли даже добыть огонь – ну не получалось это у них, и самостоятельно изготавливать любые предметы быта тоже не умели, хотя вот пользоваться вполне... Наверное, у них с мелкой моторикой не слишком ладно или что-то в это роде... Но мохнатое племя всеми способами стремилось нарушить сложившийся порядок вещей и, как следствие, селилось поближе к людям. Овинники, банники, полевые и прочие – это просто те, которым не хватило места в доме.

Жилистое мясо лося лучше пускать на котлетки, но ввиду отсутствия мясорубки, его я преимущественно тушил или варил, а если собирался жарить, то предварительно отбивал обухом топора в тонкий блин. К тому же мы не привередничали, а мясо нужно было уничтожить, пока оно не стухло. Чтобы избежать порчи продукта, часть лосятины я решил попытаться высушить в печи, пожертвовав на это немного соли, а в качестве приправ использовать можжевельные ягоды и бруснику – если получится, будет запас на черный день.

Выделал лосиную шкуру. Пару дней она отмокала в яме с сольным раствором, а потом, пользуясь деревянным скребком, я согнал с нее волос и ножом удалил мездру. Работа, признаться, не из легких. Дав шкуре подсохнуть, я втер в нее лосиный мозг и на некоторое время отложил. Когда шкура, по моему мнению, дошла до кондиции, я достал ее, тщательно промыл, высушил, а потом долго мял и скреб, втирая лосиный жир. На выходе получился хороший кусок сыромятной кожи, на которую у меня уже имелись планы.

Параллельно я выделал лосиные камусы³⁸ – технология почти та же, но отмокали они просто в реке, и волос я не сгоял. Ну и тяготное, скажу, это занятие – выделка шкур...

За это время постоянно стоявшие за горячей печкой заготовки луков подсохли, и я решил заняться ими вплотную. Четыре из восьми заготовок треснуло, еще две сильно пове-

³⁸ Камусы – шкура с нижней части ног животных, преимущественно оленевых. Камус – накладка на лыжи, не дающая им проскальзывать при подъеме.

ло, и только пара оставшихся годилась для дальнейшей обработки. Начерно обтесав деревяшки топором, я взялся за нож и начал придавать будущим лукам форму.

Выстругав луки, я на время отложил их и перешел к следующему этапу. Выкопал около дома небольшую ямку, вернее канавку, и обмазал ее глиной. Затем сходил на реку за камнями и, разведя костер, бросил их в огонь. Сам я предусмотрительно убрался в дом и затащил туда Когоршу – если начнут взрываться, здесь не достанут.

К неудовольствию любопытного домового, камни взрываться не захотели, и я продолжил свое занятие. Натаскал в обмазанную глиной канавку воды и побросал в нее выуженные из костра раскаленные камни. Некоторые из них рассыпались, но большинство оставалось цело. Подождав пока вода нагреется, а камни напротив остынут, я вытащил их и снова сунул в костер. Теперь эту занудную процедуру придется повторять много раз – для начала пока вода не закипит, а потом чтобы кипеть не переставала. Орудовать двумя палками было неудобно, так что я не поленился отойти и срубить молодую иву, чуть-чуть поработать ножом и, перегнув пополам, сделать из нее щипцы. Манипулировать камнями стало гораздо легче.

Этим архиважным делом, торжественно вручив щипцы, я поручил заниматься Когорше: ему как ребенку нравилось развлекаться с огнем и дрызгаться в воде, а уж с каким удовольствием он закатывал шпиками в воду разогретые кам-

ни... Треска, шипения, пара и счастья было выше головы!

Тем временем я принес и положил в горячую воду заготовки луков. Надо было выгнать из дерева все соки. Вываренная древесина становится более упругой и эластичной, к тому же ей легче придать нужную форму.

Пока суд да дело я смастерил для будущих луков два шаблона – просто вырубил в подходящих деревьях несколько желобов под нужным наклоном. Если точно, то по четыре на каждый лук. Вот и вся работа.

Дождавшись, пока заготовки хорошенько проварятся, я вытащил их из воды и, изогнув как надо, вставил в шаблоны. И сразу же окатил холодной водой – дерево тоже закаляют, тогда оно приобретает требуемую форму. Напоследок я крепко зафиксировал заготовки стропой и прямо в шаблонах отнес сушиться за печку. Теперь можно только ждать...

Там же за печкой сохли и сосновые колобахи для стрел. Как известно, самые лучшие стрелы – каленые, то есть наколотые из чурбачков или досок. А из побегов или веток нормальной стрелы не выйдет, ну или лук надо использовать ей под стать – убогий, типа английского, который от обычной деревяшки не далеко ушел. Правда, английскому крестьянину другой было и не сделать. А выезжали они только за счет отменных качеств древесины – тиса. В общем, я склоняюсь к мысли, что в споре с Робин Гудом были правы лесники – из английского лука «оленя за пятьсот шагов, хоть тресни не убьешь» – стрела просто не долетит!.. Вот из азиатского

или русского, это возможно... Мне, конечно, сложного композитного лука тоже не изваять, но все же надеюсь добиться приемлемого качества.

Работу с луками я закончил только к вечеру, так что сегодня оставалось только поужинать и ложиться спать. Стремясь ухватить как можно больше светового дня, вставал я рано, поэтому и ложился не за полночь.

На ужин была уха и уже несколько опостылевшая лосятина – надо вводить в рацион что-то из растительной пищи, но пока на это просто не было времени. А на сладкое Когорша получил бульонный кубик. Кстати, кубики произвели на домового неизгладимое впечатление – он смаковал их часами, откусывая по маленькому кусочку, закатывая глаза и похрюкивая от счастья. Предполагаю, что в рационе домовых ощущался серьезный недостаток соли, вот и результат. А может, на него химия так подействовала, или общая тяга этого народца к человеческой пище: кубики – это ведь практически предельный экстракт, концентрат и квинтэссенция достижений человечества в области сублимированного питания. Интересно было бы на нем сукразит попробовать, но, наверное, это слишком жестоко... Понравится еще, да и нет его у меня. А вот леденцы домового особо не впечатлили – насколько я успел разузнать о жизни домовых, в лесу они частенько лакомились диким медом. Пожалуй, и мне стоит запастись.

А ночью к нам пришли... и постучались в дверь... Вернее, ломанулись со всей дури! Получилось как в песне: «...покой

нам только снится»! Когорша еще с вечера был неспокоен, маялся и говорил, что чувствует нехорошее, да и мне что-то такое мерещилось. Вот нехорошее в гости и пожаловало...

Из необычных способностей домовые владели только даром предчувствия, который сегодня себя и проявил, да слабеньким телекинезом. Во всяком случае, Когорша мог передвигать небольшие предметы, не касаясь их лапками. Он даже дверь так иногда открывал. Еще умели глаза отвести... Ну какая они, к чертям собачим, нечисть! Нечистью стоит называть как раз тех, кто их так заклеймил. Или того, кто явился по нашу душу.

У меня же ведовских способностей так пока и не прорезалось, хотя, кажется, получше стал видеть в сумерках. Да рана на ноге очень быстро зажила, но, скорее всего, это заслуга оставленных Святополком зелий.

Кто там свирепствует за дверью, я так и не понял. Домовой пытался объяснить, но мы не сошлись в терминах. У нас и раньше такое случалось, я пытался выяснить что-нибудь по поводу обитающей в округе нечисти, но не понимал его названий, а он соответственно моих. Популярно и доходчиво описать конкретного персонажа у Когорши тоже не получалось... Ну не составишь же нормальную картинку из описаний типа: «Клыки – во! Уши – во! Яйца – во!». Вот и сейчас из его пояснений было понятно только то, что снаружи явится что-то большое и злобное, а нас оно, скорее всего, порвет и съест! Ну, так это и без него ясно – дверь того и

гляди вылетит!

Как нечисть проникла за охранный периметр, тоже оставалось загадкой, но с этим разбираться будем потом, сейчас есть задачи поважнее... Например, уцелеть!

Когда неизвестное создание вынесло дверь, ружье давно было у меня в руках. Здоровенная, поперек себя шире, как только в дверь пролезла, мохнатая тварюга схлопотала заряд серебра из обоих стволов прямо в грудь. К моему глубочайшему удивлению, ее это не остановило... Только пошатнуло и на мгновение притормозило. Святополк, конечно, говорил, что серебро – это не панацея, просто у нечисти на него аллергия. А раны от серебра для нечисти можно сравнить с ранами, нанесенными обыкновенному зверю или человеку обычным оружием. Но дело-то в том, что выпущенный в упор заряд рубленой картечи в любом раскладе должен был нанести просто устрашающие повреждения, однако этого почему-то не произошло...

Ко всему прочему тварь оказалась невероятно быстра и чудовищно сильна. Выбитое ударом когтистой лапы ружье полетело в одну сторону, а я соответственно в другую. Лететь, правда, было недалеко, размеры зимовья полетам не слишком способствовали, и меня просто впечатало в стену, порядком при этом оглушив. Тварюге оставалось сделать только один шаг и поставить на мне жирный крест ударом другой лапы, но в этот момент в битву вмешался Когорша. Сорванные со своих мест неведомой силой, в морду нечисти

полетели разнообразнее предметы, от горшков до веника. А следом, испустив пронзительный боевой клич, прыгнул сам домовый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.